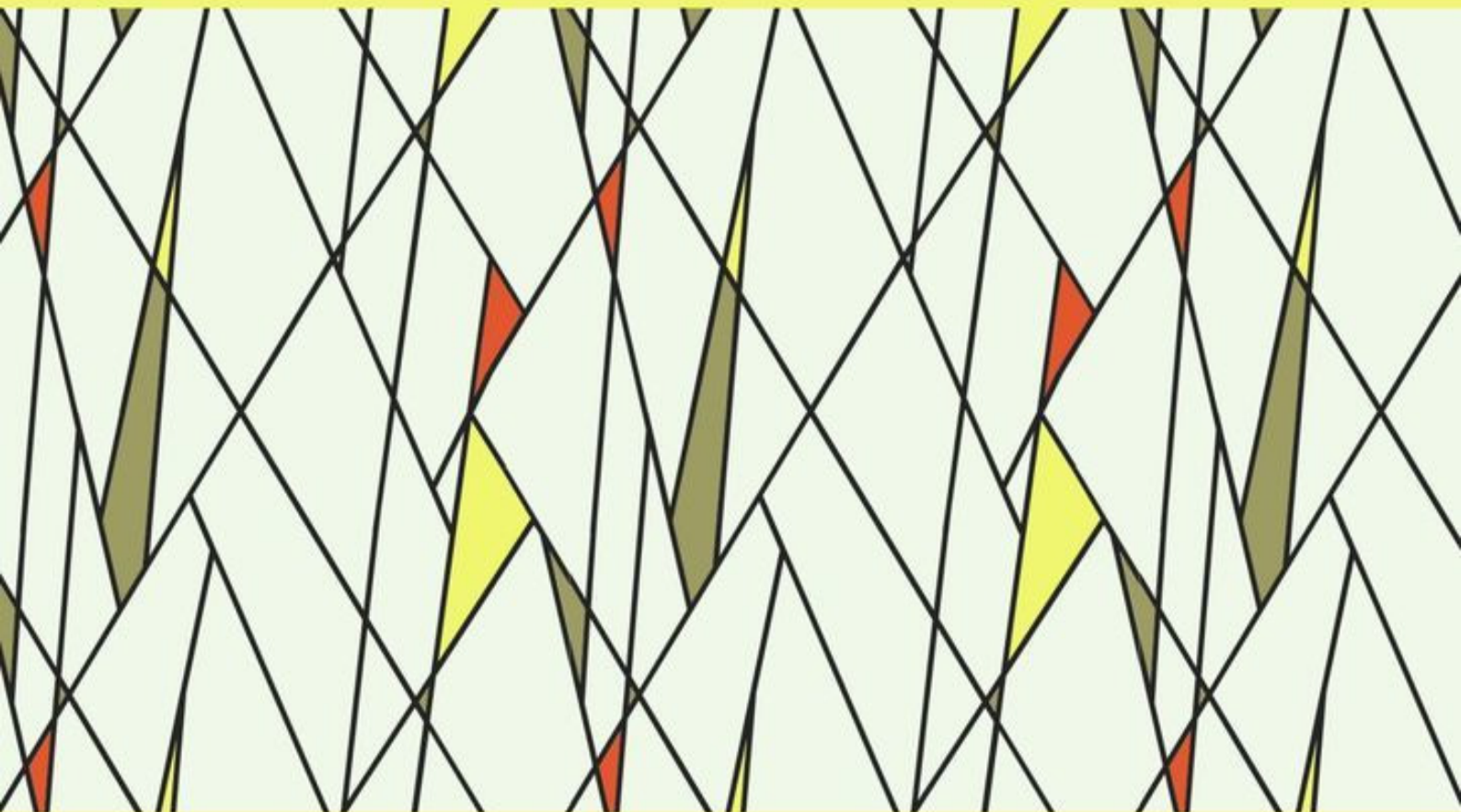

18+

Александр Стребков

ЖИЗНЬ-ЖЕСТЯНКА

Александр Стребков

Жизнь-жестянка

«Издательские решения»

Стребков А.

Жизнь-жестянка / А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533107-6

Стребков Александр Александрович. Родился в 1950 году на Кубани в селе Глебовка Кушёвского района. За свою жизнь сменил несколько профессий: был военным, железнодорожником, строителем и предпринимателем. Представляем на суд читателя роман «Жизнь-жестянка».

ISBN 978-5-00-533107-6

© Стребков А.
© Издательские решения

Содержание

Стребков Александр Александрович	6
ЖИЗНЬ – ЖЕСТЯНКА	7
ОТ АВТОРА	8
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Жизнь-жестянка

Александр Стребков

© Александр Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3107-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович

ЖИЗНЬ – ЖЕСТЯНКА

РОМАН

КНИГА 1

Стребков Александр Александрович.

Родился в 1950 году. На Кубани.

В селе Глебовка, Куцёвского района.

За свою жизнь сменил несколько профессий: был военным, железнодорожником, строителем, предпринимателем.

Роман «Жизнь – жестянка» книга-1 является вторым изданным произведением автора.

Ранее был издан роман-хроника

«Курай – трава степей».

Готовится к изданию роман-хроника

«Жить запрещено».

ОТ АВТОРА

Описанные в романе события взяты за основу из реальной жизни начала семидесятых годов. Главные герои романа, остальные участники и персонажи событий не вымышленные, а взяты из прототипов, живущих в то время людей, и их биографий. У некоторых персонажей сохранены даже подлинные имена и клички. Житейские немного сентиментальные и лирические те события, на фоне которых у читателя появляется возможность окунуться в то, не совсем далёкое наше прошлое жизни общества, которое предвещают закат, а за ним и крах идеологии коммунизма. К большому нашему сожалению, так и не воплотившего в жизнь те светлые идеи, которые большевиками позаимствованы были из заповедей Иисуса Христа, как и у самой христианской религии. Однако остаётся загадкой для будущих исследователей социального и духовного состояния общества того времени – это вопрос: почему именно тогда, в конце шестидесятых и в начале семидесятых, когда народ, наконец-то начинал жить по-человечески за все минувшие столетия впервые началась деградация как личности, так и самого общества? Ведь ни для кого не секрет, что потеряли, как и когда-то в семнадца-

том – в тысячи раз больше чем приобрели. Какой бы ценой народу не досталось то – что он уже имел в семидесятом году – всё это было, по сути, его завоевание! Солёным потом, тяжким трудом и реками крови добытое; и вдруг всё разом отнять и разорить! Мысленно положить на весы истории то, что имели и что получили это одно и то же, что променять золотой самородок весом в килограмм – на обычный булыжник, с мостовой.

Если мне в какой-то мере удалось донести ту атмосферу бытия – задачу считать можно выполненной. Роман печатается со значительными сокращениями и, по сути, во втором варианте в отличие от черновика со многими не вошедшими в роман главами, как и с некоторыми дополнениями.

На страницах романа читателя ожидают забавные приключения его героев: любовные страсти и душевные переживания, печальные эпизоды и юмористические сцены – всё то, чем наполнена окружающая нас повседневность жизни. Представляем на суд читателя первую книгу романа.

ГЛАВА 1

*Что можешь ты пообещать, бедняга? Вам, близоруким, не понять суть.
Стремления к ускользающему благу, ты пищу дашь, не сытнюю ничуть.
(И. В. Гете. Фауст 4—1).*

В тёплый апрель одна тысяча семидесятого года великая Страна Советов, как никогда прежде праздновала столетие со дня рождения основателя Советского государства, вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Во всех городах, и где только можно, на зданиях и эстакадах висели панорамные плакаты с изображением: на первом плане – почему-то – в особо крупном размере Леонида Ильича Брежнева – истинного ленинца; на втором плане – чуть меньше размерами портрет самого юбиляра: «Великого Ильича». Страна вступала на новый путь развития, как сказал генсек Брежнев: «На путь развитого социализма», если логически подумать, то получается, что до этого времени социализм был недоразвитым; ну это, примерно как у детей иногда бывает от рождения. В те памятные дни, встречая и отмечая столетие со дня рождения Ленина: вся страна отчитывалась перед правительством о своих победах на социалистическом фронте, обещая и дальше выполнять и перевыполнять. Вот только почему мирный труд, который должен приносить радость и благосостояние человеку вдруг стал:

«Фронтом и битвой за рекорды» – это понять трудно. Простому народу вообще-то в своей массе, – как они говорили в узком кругу или за стойкой пивнушки: «Было до лампочки, что Лёнька – что Вовка, оба Ильичи», главное чтобы пожрать да выпить было чего. Но если со вторым было пока всё в порядке: водку массово стали гнать из нефти, то с первым – с едой, с каждым днём получался напряг. Может быть, положение было бы и лучше в стране, если бы не всякие китайцы со своей культурной революцией и провокациями на границе. К тому же совсем недавняя Чехословакия с попыткой реставрации «капитализма». А тут – евреи решили с Египтянами повоевать. Немного – «подумали». На чьей же стороне выступить? и тут оказалось, что Египтяне ближе по родственной и пролетарской крови. Потом поляки, почему-то взбунтовались: «Не понятно, чего этим ещё не хватает?». А если ещё вспомнить о всяких: Вьетнаме, Анголе, Сомали и Кубе, которые как хомуты на шее, которое десятилетие кормим; а остальные – те, что помельче с протянутой рукой под дверьми стоят с утра до вечера; тут поневоле сам на скудный паёк сядешь. Но были и плюсы от этого юбилея: премии и почётные грамоты, которые некоторым особо рьяным «передовикам производства» уже и вешать некуда было – все стены ими завешаны. Ко всему этому дополнили благодарностями и значками почёта, а самым преданным гражданам идеям коммунизма – выдали ордена и вымпелы, дополнив медалями золотыми и дефицитными товарами вне очереди. Народ – в особенности активисты и «передовики» поднатужились в этот предпраздничный день – рванули новым рекордом. По пути домой – к праздничному столу торопясь – расплавили лишний миллион чугуна и стали, заодно и молока надоили вёдер по пять на каждую фуражную корову. Прибегали, включили допотопный телевизор, какой на западе ещё лет двадцать назад уже на помойку выбросили, уставились в экран, приготовились часика этак три слушать Генерального секретаря компартии – любимого и несравненного Леонида

Ильича. Хотя, в общем-то, в сравнении с другими «Вождями» – мужик он был неплохой и сделал для страны гораздо больше, чем предыдущие вместе взятые.

Но ещё – как всегда в таких случаях – амнистия для заключённых предусмотрена; на скудость последних страна никогда не жаловалась, этого добра всегда было много – успевай только колючую проволоку натягивать. Самое значительное и, пожалуй, главное, что всегда народ «сплочает!» – это конечно – расширенное торжественное заседание в Кремлёвском

Дворце Съездов, где уже третьи сутки не умолкают бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Так горячо и с особой любовью простой советский народ поддерживает все решения партии и правительства.

Неизвестно – как в других странах и у народов, но у нас – в России, когда к власти приходил новый глава государства он всегда начинал с хороших дел. То, что они эти хорошие и добрые дела регулярно переходили во всякие непонятные глупости и бедствия, а порой и в войны в этом казусе повинно, скорей всего само место, где они никак не могли прижиться. Ну что поделаешь, если издревле на Руси начинают за здравие – а кончают за упокой – традиция видимо такова. Цари – Бог с ними: там без попа и без бутылки не разобраться, там если посмотреть со стороны, то между балами, танцами и войнами – государственными делами и заниматься то было некогда. Новая власть танцев не любила, а балы так вообще на дух не переносила: эти взялись управлять – так управлять! не затем в руки штурвал достался, чтобы корабль по волнам бросало. И что обидно, что все-таки хотели как лучше, а получалось каждый раз – шиворот, навыворот.

Ленин, к примеру, хотел осчастливить пролетариат, а кончилось всё Гражданской войной. Сталин вначале-то – то-же подлого ничего не намерен был делать – желал видеть страну развитую и процветающую, а из этого вышел огромный на всю страну ГУЛАГ. Хрущёв решил переплюнуть обоих

предшественников, хотя те и великие «Вожди», а он раз! – и очутится в коммунизме – и вновь мимо: расстрелял в Ночеркаске мирных голодных граждан города, включая детей, а вскоре и самого как паршивую собаку вышвырнули из Кремля. Брежнев хоть что-то успел сделать для самого народа и страны в первые десять лет своего правления, однако, и он тем же дерьмом кончил, что и его предшественники: кульминацией чего стал Афганистан. За двоих последующих можно промолчать за отсутствием у обоих отпущенного им земного времени для того чтобы наворотить побольше дел. Вот Мишка Горбачёв – по своей ещё не потерянной молодости даже как-то перестарался – угробив, хоть и не такую, какую бы многим хотелось видеть, но всё-таки Великую Страну

«советов», а начинал то, кажись с добрыми намерениями.

Ельцин сделал ещё проще; ибо он, как строитель по специальности знал, что лучше ни во что, не вмешиваться. Стройка есть стройка, она должна идти сама собой пока ты пьяный спишь в бытовке, ибо будет только хуже – пусть, что хотят то и делают: сказал же им стоя на танке возле «Белого Дома» – «Берите демократии – сколько унесёте», чего ещё надо? – пусть разбирают. Этот добил и разорил всё, и разорил всё, что осталось от Горбачёва.

Страна на мгновение замерла в недоумении, осмысливая сказанное, потом немного придя в себя – стали тащить и растаскивать всё, что на глаза попадётся. Рабочие заводов домой натаскали болтов и гаек – как бы на всякий случай – вдруг пригодятся. Крестьянин натаскал в свой двор всякого хлама: гнилых досок, ржавых труб и шифера, к тому же со своего родного коровника – свинарника, который работу ему давал. Другие, более прошаренные из числа руководителей того же завода, колхоза, совхоза, всё оптом себе «прихватизировали». Нынешняя власть, судя по тому, что на постсоветском пространстве уже развязана гражданская война, и кровные братья убивают друг друга, ещё неизвестно какие нам преподнесёт

сюрпризы – покажет время; хотя определённые намётки есть – вряд ли что-нибудь хорошее. Выше сказанное – это взгляд простого обывателя под названием – Народ. Потому и рассказ наш

– о времени и о людях, которые жили в то время – в годы семидесятые и начало восьмидесятых будет вовсе не о сильных мира сего, хотя, по правде сказать, они ничем выдающимся не отличаются от тех, о ком пойдёт речь –

такие же люди как все. К тому же о «Вождях», «Передовиках» и «Героев соцтруда» уже столько писано-переписано, что прочитать простому смертному это уже не под силу за две-три его жизни. А положи руку на сердце можно с уверенностью сказать, что ту макулату-ру никто и никогда и не читал.

* * *

Октябрь месяц. Минуло полгода, как отпраздновали столетний юбилей «Великого» Ленина. Первые заморозки и северное дыхание предстоящей зимы повеяло с тех краёв, куда иногда со страхом устремляется взгляд, а на ум приходит неосознанный страх перед Севером. Колония общего режима в предместьях города Йошкар-Ола на севере Татарии. На проходном пункте колонии идёт шмон у выходящих на свободу по амнистии троих молодых парней. Через пункт пропуска сегодня проходило пять человек по амнистии, теперь уже бывших заключённых. Двоих уже прошманали и выпроводили за ворота; на очереди на этот день – последние трое. Внести что-нибудь на территорию режимного объекта – беда не большая, иной раз надзирателю можно и не заметить как бы, потом всегда и изъять можно, а вот вынести из зоны, где имеется промышленное предприятие – это уже совсем другое дело, за такое по головке не погладят. Вынести есть что: измерительные приборы и дорогостоящий слесарный и прочий инструмент не говоря уже о самих зековских поделках и

всяких изобретениях вплоть до стреляющей мелкокалиберными патронами авторучки; или отличного ножа с наборной рукоятью, на которой почти живая голая русалка, а само лезвие с тёмными слоёными разводами выполнено под Дамаскую сталь. Есть и более изощрённые изделия, которые лезвиями стреляют. Такой нож дорого стоит и обзавестись им – это равносильно, что иметь в кармане хорошую сумму денег.

– Подыми выше руки и стой не дёргайся как лошадь в стойле, ты не баба, чтобы тебя за коленки нельзя брать! – крикнул проверяющий на пропуске сержант. – О-о! а это что?!

Вытащил из-за спины парня брелок, висящий на плетёной верёвочке, и стал рассматривать, поднеся близко к глазам.

– Мать подарила, когда я ещё совсем малым был, что здесь такого? – ответил парень. Сержант продолжал крутить в руках уже снятый через голову парня злополучный брелок.

– Странно, – сказал он, – иконки нет, креста тоже не наблюдается, какой-то непонятный у тебя талисман, Раскольников. Ты никак мусульманин, да? Так фамилия у тебя русская, тоже не подходит, слушай, что за хреновина? Покажи – как открывается, может там есть что запретное?

Наш – в дальнейшем один из главных героев романа – Фёдор Раскольников взял из рук сержанта брелок, пальцами обеих рук крутнул вначале в одну сторону затем в обратную и брелок раскрылся: сержант тут же нагнул голову, стал глядеть внутрь – там была круглая маленькая фотография младенца и локон тёмных волос.

– Ладно, забирай свою погремушку, только вот удивляюсь, как ты её сюда протащил? Не положено ведь! Ну, теперь уже уноси – не велик убыток, а мордой ты всё-таки басмач. Смешались вы тут все – хрен поймёшь, где русский, где калмык? не то что у нас на Тернопольщине – ни единого в деревне иноверца, даже жиды все сбёгли; москаль один есть, так тот в сельсовете сидит, а иначе давно бы выжили нахрен из деревни. Иди Раскольников вон к старшине полу-

чи свои премиальные за работу, гляди, ещё увидимся, чем чёрт не шутит. В следующий раз – и заработаешь больше; у нас тут, если отсидеть – этак лет восемь – можно в конце хорошие деньги отхватить. Чего стоишь, как истукан? Говорю же тебе, – иди к старшине!

Фёдор прошёл по коридору к столу, за которым сидел старшина, тот придвинул на край стола журнал, подал ручку и сказал:

– Расписывайся, где галочка стоит. И получи свои кровно заработанные.

Фёдор расписался в журнале и передвинул журнал на место. Старшина поглядел в журнал, затем нагнулся и выдвинул ящик в столе, крикнул в кулак. В ящике шаря второй рукой, видимо в железной банке затарахтел копейками, отсчитал вначале мелочь, после положил на стол купюру в три рубля, а сверху придавил монетами.

– Почему так мало? – спросил Фёдор.

– Скоко сидел – стоко и получи! А ты что же хотел? год отсидеть и на хату наскирдовать?! Три рубля шестьдесят копеек – всё, что заработал копейка в копейку. Две копейки выпросишь у кого-нибудь, там за забором как раз на пузырь водяры будет. Отметишь волю, тока не бузи, а то и за околицу не выберешься, как у нас снова очутишься.

– Так здесь даже на билет до дома не хватит, – сказал Фёдор.

– А зачем тебе билет? Ты что, в Магадан собрался? До Уфы можно и на перекладных – электричками доехать: пока жешь на вокзале линейному постовому справку об освобождении, он тебя в первую попавшую электричку всунет – лишь бы избавиться от тебя поскорей, ему на подведомственной его территории подобные типы никак не нужны. Давай Федя, а то что-то мы долго с тобой разговариваем, как будто навеки расстаёмся, а ты мне брат родной или свояк. Иди уже – на доели вы мне хуже горькой редьки: то вам денег мало дали,

то вам сроку много дали. Вы бы уже определились – что много, чего мало. Ну, народ! Их на волю раньше срока выпускают, а они ещё и права качают! Иди с богом, сказал! Сержант, чего ты там возишься? Давай сюда его, что там у него?

– Да-к, ножичек в вещичках у него был.

– Покажи.

Сержант подошёл к столу и положил перед старшиной небольшую финку, которая до этого была им обнаружена в вещах тщательно замотанная в шерстяные носки. Старшина, склонив голову на плечо, не беря в руки финку, косо уставился на неё. Немного помолчав, разглядывая изделие, сказал:

– Узнаю руку мастера – хорошая вещь. Никак украл?

– В карты выиграл, – ответил Вовчик – по кличке Бекас.

– Это как же ты сподобился такую дорогую вещь в карты, да ещё и выиграть?! За душой-то ни гроша?

– Знал, что на волю выйду, потом бы и рассчитался, всё по-честному было, зуб даю!

– Ну, погоди; если даже так, как ты говоришь, а отыграть-ся разве не заставили?

– Уговор был при уважаемых авторитетах, так что без подлянки.

– Угу! Жаль, конечно, если это даже так, но эта вещь сделана из государственного сырья на государственном предприятии и оборудовании, а значит, выносу не подлежит, да и для тебя лучше, а, то прирежешь кого-нибудь и вновь на ры. Выходит напрасно играл, надо было вначале подумать, как ты её отсюда вынесешь. Расписывайся за то, что причита-ется; а за это, – кивнул головой, в сторону лежащей на столе финки, – лучше помалкивай, а то сегодня вряд ли и выйдешь, хорошо хоть начальства рядом нет, были бы тебе карты: где, да что, откуда, да куда? а там гляди и амнистия мимо тебя промелькнула.

Фёдор тем временем, вскинув на плечо свой сидор, не стал дослушивать о том, чем закончится разбирательство по

финке, ибо наперёд знал, что заберут – как пить дать, вздохнул тяжко и направился к решётке, за которой уже была дверь

– выход на свободу. Стоящий по ту сторону решётки охранник, до этого смотревший в их сторону и внимательно слушавший разговор при его приближении измерил оценивающим взглядом Фёдора с ног до головы, повернул ключ в замке решётки, и уже пропуская его мимо себя, в спину громко сказал:

– Раскольников? Что-то знакомая фамилия. То ли в школе у нас учитель был с такой фамилией? Или где-то слышал недавно? Сержант, – крикнул он, глядя в сторону стола, – ты не знаком с такой фамилией, не встречалась?

– Не-а, таких волков не знавал.

Фёдор улыбнулся, обернувшись, сказал:

– Фёдор Достоевский – «Преступление и наказание», роман такой у него есть. Там, в романе том Раскольников бабку топором зарубил.

– Во-о-о, точно! Вспомнил. Деваха у меня в том году была, всё по театрам меня таскала. Вот-вот, были мы как-то раз с ней на одном таком спектакле – там действительно тот тип зарубил бабку топором. Натурально, скажу вам, всё так выглядело, даже жуть брала. Видишь, как тебе повезло? почти про тебя роман написан: и Фёдор и фамилия сходится; не ты случайно, ту бабку топором приголубил?

– Так причём здесь я, сам автор под именем Фёдор, а преступник, описанный в романе под фамилией – Раскольников – это же совсем двое разных людей? – сказал Фёдор, вновь улыбаясь столь глупым рассуждениям.

– Какая разница – главное, что и фамилия и имя сходятся, тут порой и задумаешься, – сказал охранник.

Перед тем как закрыть за собой дверь Фёдор на прощание громко сказал, словно подводя итог предыдущему разговору:

– Деревня! Да этому описанному случаю, если он и был на самом деле уже больше ста лет; и тот был Родион, а я Фё-

дор, – с этими словами он захлопнул за собой дверь и вышел на улицу.

За воротами колонии Фёдора встретила непогода: шёл мелкий морозящий дождь вперемешку со снегом, на земле лежал толстый слой кашицы из снега, который приходилось грести за собой ногами. До города Йошкар-Ола путь был не близкий – почти двадцать километров и дорога к тому же плохая – гравийная, а местами переходящая в грунтовое покрытие. Взглянув в обе стороны пустой дороги, он решил подождать тех двоих. Эти двое были из других отрядов, знаком он с ними не был, лишь изредка видя на территории зоны, потому и лично-сти казались знакомыми. Тех двоих ранее отпущенных поблизости не было, видимо ушли, решил он, взглянув на дорогу в сторону города, которая через километр вползала в тёмную полосу леса. Ждать пришлось недолго, вскоре скрипнула калитка, прорезанная в створке ворот и, переступая высокий порог, на улицу вышли один за другим его, так называемые попутчики. Немного приблизившись к Фёдору тот, что повыше был ростом и кличку которого уже Фёдор слышал на пропускном пункте – кажись, Бекасом кличут – крикнул:

– Коришь, нас ждёшь? Правильно сделал, козлой веселей топтать будет. Фёдор на это ничего не ответил, развернулся и медленно побрёл по дороге, догнавший его Бекас, чуть опередив его, заглядывая в лицо, спросил:

– Что Федей зовут тебя, слышали там, а – кликуха? Погоняло есть?

– Федотом все звали, другого звания как-то не успел приобрести, сидел-то всего год.

– Ну, Федот, так Федот. Слышал ты из Уфы? Прямо в самом городе живёшь?

– Да нет, от города полста километров, в деревне – мать там у меня.

– Меня Володей зовут, кликуха – Бекас, а то мой друбан по одному делу с ним шли – Лява его позывной, или Лё-

ха, если так тебе удобней. Ты лыжи куда наострил? Домой или ещё куда?

– Пока не знаю. Не хочется что-то домой, прошлое не пускает, а куда? И сам не знаю.

– Тогда, может с нами?

– Куда это с вами?

– На юга: Сальск, Элиста – до самой Астрахани. В тех краях мой друг, коришь, давний обитает. Поедем кошары строить баранам в те края. Заработок там ничтяк – четвертак в день,

не то, что на стройке – пятилетке, или на зачуханном заводишке – трояк, от силы пятерик в день. Дружбан писал в последний раз из какого-то Морозовска, что сваливает отту- да далее по степи, придётся поискать его.

– Да я собственно собирался на БАМ отправиться, там тоже не хилые заработки.

– Ну, сказал тоже. Нафиг тебе нужны морозы под пятьде- сят? На юге тепло; под любым кустом выспаться можно, а то север – чуть зазеваешься и уже кочерыжка из тебя, и хоро- нить не надо – и так не завоняешься.

Всё это время второй попутчик – Лява брёл сзади них и молчал. Может быть, он слушал, о чём говорят парни, а скорей всего предавался своим не совсем весёлым думам, потому что, с момента как переступили порог колонии, они по праву теперь были бездомными, коль решили отправиться неизвестно куда, да ещё в такую даль, так что было о чём задуматься.

– Так что? – погонишь с нами за компанию? На баранине отъешься – жри от пуза – сколько влезет, там этого добра – счёта не знают: ты, как я понял, вроде бы как мусульманин – вот, как раз то, что надо для тебя.

– Наполовину. Мать у меня башкирка, а отец русский из Ленинграда.

– Во как! Из самой колыбели? И родня там есть?

– Точно не знаю, я там ни разу не был, наверное, кто-то есть, раз отец там родился.

– Умер отец-то, или делся куда?

– Как сказать? Дело тёмное и давнее, мать правду не го- ворит. В то время, когда он погиб я был совсем малым: в де- ревне говорят, что мусора его пристрелили в городе.

– Ни фиги себе! Вот это у тебя Пахан! Кто же он был?

– Говорят налётчик: кассы, ювелирные магазины брал за что, вероятно, и пристрелили.

– На зоне говорил об отце?

– А зачем? Всё равно не поверили бы, к тому же за треп- ло посчитали бы, с тех времён много времени прошло и жи- вых свидетелей вряд ли есть, потому – как докажешь?

– И то верно. Кликуху отца так и не узнал?

– В деревне о таких вещах не просвещают, это в Уфе уз- навать надо было. К тому же – у кого, да и зачем?

Сзади послышался шум приближающегося грузовика: все трое сошли на обочину, каждый при этом поднял руку. Огромный «Краз» – лесовоз с порожним тралом вначале на скорости проскочил их, но через сотню метров остановился. Все трое как по команде бросились бежать к машине. Води- тель вылез на подножку машины и когда парни подбежали, крикнул им улыбаясь:

– Загружайся, босотва – двое на сиденье один под ноги.

После уличного ненастья в кабине машины было тепло и уютно: пахло самой машиной, отработанными выхлопными газами и ещё чем-то, что напоминало детство, когда просил- ся у водителя прокатить на грузовике. Первым заговорил сам хозяин машины:

– Задумался, чуть было не проскочил мимо вас; я ведь тоже бывший воспитанник так сказать этого учреждения, пять лет отбарабанил за этим забором пока на вольное поселение не определили. Потом в этих краях так и присох – женился здесь на местной бабе, теперь вот баранку кручу деньгу за- шibaю да детей ращу. А вы как думаю по амнистии? Я почти ежедневно ваших подвожу, почаще бы, подобные юбилеи праздновали, гляди и зон поменьше стало бы.

Вскоре вся тройка была уже на узловой станции Йошкар- Ола. Проходя по перрону, народ давал им дорогу и рассту- пался перед ними. Одежда ещё издали выдавала, к какой катего- рии граждан они относились: кирзовые сапоги, тело- грейка-стёганка, шапка-ушанка, щетина на щеках, за плечами рюкзак-сидор; от таких личностей лучше держаться подаль- ше, дешевле себе обойдётся. Фёдор плёлся сзади и всё ду- мал: «До Уфы я добрался бы и на переклад-

ных, а на юг за какие шиши? В кармане трояк всего и пожрать пора бы. Сто-ит ли падать им на хвост? Нет – пора отваливать, быстрее домой доберусь, а там видно будет...».

Зашли в здание вокзала: в лицо дохнуло печёными пи-рожками и чебуреками, горелым подсолнечным маслом, а ещё терпким людским потом, стойкий запах которого всегда присутствует в холодную погоду на вокзалах. Лёха-Лява, по-вернувшись к Фёдору, спросил:

– Федот, тебе чебурек или беляш?

– Мне не надо, у меня всего трояк в кармане, обойдусь,

– ответил тот.

– Да знаем что ты пустой – ещё там, на проходной слы-шали. Не дрейф, держи свой трояк при себе, гляди, при слу-чае пригодится, запас – как говорят, в задницу не давит.

После того как съели по три беляша с мясом, подошли к фонтанчику расположенному в середине зала и по очереди долго пили прилаживаясь по несколько раз. Вовчик-Бекас, напившись как бы впрок, внимательно посмотрел в сторону железнодорожных касс, где плотно стояла толпа возле око-шек, сказал:

– Так! На билеты тратить деньги – это одно, и тоже – что в сартир выбросить. Поедем на халяву. По платформам надо прошмыгнуть, где пассажирские составы стоят: найти

«Машку» и запудрить ей мозги. Федот, зуб даю, должно по-лучиться; ты у нас самый фартовый, тебе и охмуривать. Спра-вишься?

– Попробую, раньше не приходилось, – сказал неуверен-но Фёдор.

– Одна баба пробовала – семерых привела, ты её дуру, на понт не бери, не поймёт она правильно, жалобней будь, обиженным, ну, чё тебя учить? Скажи, к примеру, что на прикид не гляди, временно всё это. По фене не ботай – не любят они этот базар, да ты собственно на нём и не вяка-ешь. Скажи, что из благородных, из самого Ленинграда, до-браться в стены родного города надо. Врубился? Нам бы только до Москвы дошкандылять, колыбель револю-ции нам вовсе ни к чему, от столицы мы легче покатым на юг. Напой ей там песню про то, что в конструкторском отделе работать будешь, квартира от отца досталась. Пошли уже, тут ничего не выстоишь.

Бекас посчитав, что инструктажа для не совсем продви-нутого нового члена их команды вполне достаточно, обер-нул, жестом руки указав следовать за ним, двинулся вдоль состава поезда. Медленно проходили по перронам между составами, по пути рассматривая каждую проводницу оце-нивая и прикидывая, что можно от лахудры – как сказал Бе-кас – ждать. Подходящего варианта, как – на зло, не намеча-лось, либо стояли возле дверей своих вагонов старые про-водницы: злые, будто овчарки немецкие, либо молодые и расфуфыренные, кото-рым женихи совсем другой породы требуются, это было и так видно, когда они с явной брезгли-востью смотрели на проходивших мимо ребят.

– Эх, – сказал Лява, – одежу бы щас, хоть бы какой «ци-вильный» прикид! А то – глядят на нас, как будто я у неё ко-шель спёр. И бабок нет, хотя бы одного из нас одеть. Ладно, сучки, вот приеду из степей астраханских с бабками: будешь ты у меня на ноге большой палец сосать. Слушай, Федот, ты смотрю, вообще мышей не ловишь!

– А что я должен делать? За титьки их хватать, чтобы му-сорам сдали?

В это время тройка добрела как раз до хвоста обеих пас-сажирских составов; чтобы не возвращаться к навесному пе-реходу, решили: обойдя состав в хвосте перейти на другую платформу. Бекас тут же спрыгнул с платформы вниз на шпа-лы, куда и последовали осталь-ные его товарищи. Вдруг от-крылась дверь в хвостовом вагоне и в проёме двери показа-лась проводница вагона. Парни, мимолётом взглянув на неё, не придав значения, продолжали идти своей дорогой, когда вдруг их остановил вкрадчивый, негромкий, в тоже время ласковый голос, от которого они словно в землю вросли:

– Мальчики... Что ищем? Вы уж который раз тут проходи-те, может быть, я подскажу?

Каждый мужчина, в особенности, если он к тому же ещё и молодой, собираясь свершить какое-нибудь, даже порой незначительное дело, при этом наперёд зная, что в этом его деле в обязательном порядке будет задействована женщина, которую он пока что в лицо не видел; так или иначе, в душе всегда преследует как бы попутное желание – чтобы эта женщина была, если и не первостепенная красавица, то, хотя бы – приятна его мужскому сердцу и душе. Но то, что им предстало взгляду, в сознание их никак не вмещалось. До этого момента они готовы были увидеть и услышать в свой адрес всё что угодно – они смирились бы с любой ситуацией, лишь бы она, эта ситуация хоть как-то приблизила их к заветной цели – уехать туда куда им надо. Но здесь был случай иной и морально они готовы к нему не были. В это мгновение, тех минут затянувшегося молчания, каждый из них про себя подумал по мере своей образованности и интеллекта. Фёдор думал, как отпрыск интеллигенции: «Разве таких женщин берут на подобные должности? Как-то, вроде бы – некстати».

Бекас решил чуть иначе: «Надо же! Какое страшилище... сроду такого не видал! Ночью такое чудо встретишь – в штаны наложить можно».

Лява был проще всех наивней всех, потому и вывод его был оптимальным и самым правильным: – О! вот эта Шмара, уж наверняка нас довезёт туда, куда нам надо. – Лява в эту минуту подумал, – надо же, такую биксу я встречал как-то, напоила нас тогда четверых в стельку. Хорошо время провели, а вот кто спал с ней? – убей меня – не помню, но только не я – это точно.

Представшая их взору проводница по возрасту, если определять с первого взгляда, то разве в тётки им годилась, хотя сама внешность порой и обманчива. Было ей где-то между тридцатью и сорока годами, но не возраст был стержнем оторопелости ребят, а само обличье и неправильные черты лица. Крупного телосложения, без видимого чрезмерного ожирения, но с торсом достойным тяжелоатлета: из-под форменного берета свисали до плеч рыжие космы волос; само лицо было продолговатой формы, напоминая лошадиную морду, сплошь рыжим, отдавая какой-то краснотой, а подбородок выпирал далеко вперёд. В уголку громадного рта, и в таких же больших губах она держала папироску, при этом в глазах светилась душевная тоска, а демоны похотливых желаний, словно дивное сияние периодами проскакивали в её взгляде. Вынув папиросу изо рта держа её между пальцами на вытянутой руке, сбила щелчком пепел на перрон и вновь, в томлении сказала:

– Ну, что же вы мальчики онемели? Если ехать надобно, то вопрос этот вполне решаемый. Чего вы там застыли вдали

– подходите ближе, не кричать же нам на весь вокзал?

Бекас до этого стоял с торца вагона дальше всех, потому, немного согнувшись, он как бы выглядывал боком из-за вагона, но первым из троих и в себя пришёл. Запрыгнул вновь на платформу, медленно направляясь в сторону проводницы, проходя мимо стоявших друзей, тихо промолвил:

– Кажись, попались, как лис в курятнике! Ша! Братва – на цырлах к ней быстро! Другого ничего не светит.

Лява в ответ проямлил:

– Только без меня! Я на такое чудо – ни в жизнь! Хана сразу будет, коньки двину!

– Глохни, падла! – чуть повернув голову, сказал Бекас и ускорил шаг в направлении двери вагона.

Фёдор стоял, не шелохнувшись, словно кролик, перед удавом глядя проводнице в глаза, которая как раз и устала на него:

– Ну... чего же вы застряли? – сказала она вновь, – вам ведь всем в одном направлении? А то скоро отправление, разместить всех вас по местам ещё надо.

Бекас обернулся и крикнул: – Пошли, чего вкопались? – после чего, последние двое, еле волоча ноги, будто им навесили кандалы, последовали следом. Не спеша подходили к двери,

взявшись за поручень, подтянувшись, влезали на откинутую площадку вагона. Проводница, стоя спиной в тамбуре у самой двери, пропускала их мимо себя, сверху вниз пытливо рассматривала, будто оценивая доставшийся даром товар, глубоко втягивала ноздрями воздух, как это обычно делает бык племенной, обнюхивая бурёнок; и когда вошёл последний Лява, она со всего размаха захлопнула за их спинами тяжёлую металлическую дверь. Дверь так громко клацнула, словно в ствол берегового осадного орудия загнали огромный снаряд и заклацнули орудийный замок. От этого, раздавшего за спиной звука все трое разом вздрогнули, будто их палкой по спине огрели, а в мыслях каждого промелькнуло: «Попались! как курица в щи». Крутнув ключом в двери замка, проводница резко обернулась, улыбаясь, отчего у ребят появилась новая печаль, ибо зубы у неё, оказывается, были тоже позаимствованные у той же лошади, она сказала:

– Мальчики, давайте знакомиться, меня зовут Рая, а первым чьё имя я хотела бы знать, вон того симпатичного молодого человека, – кивнула головой в сторону Фёдора и продолжила, – вначале его, потом остальные.

Фёдор стоял, будто в рот воды набрал, выправляя положение, Бекас стал говорить за него:

– Федот он: Федя, Фёдор – всё одно, и тоже. Чего молчишь, Басмач? Он у нас скромный; девушек с детства стесняется, так что вы с ним поласковой будьте. Вы ему говорите – что надо делать, он и будет делать – правда, Федот?

Фёдор в это время стоял, прилепившись к стенке в самом углу тамбура, в мыслях он уже представлял, что его ожидает; и от всего этого на душу навалилась тоска и отчаянье, от которой даже на руках пальцы стали дёргаться. И чем больше он это себе представлял, тем больше психика его с этим отказывалась справляться. Он уже в мыслях проклинал себя за то, что связался с этими типами: за те беляши, которыми они его угостили, за слабование, проявленное им, за непонятную какую-то зависимость. Надо было сразу отдать им те шестьдесят копеек, которые сейчас тарахтят у него в кармане брюк, после свалить на тот вокзал, откуда ходят электрички до Казани, и сейчас не было бы у него этих гадостных минут, при которых, как дурак, не знаешь – что надо делать. Ехал бы он сейчас в электричке – прибыл бы в Казань, а там и до Уфы рукой подать. От этих мрачных мыслей оторвал голос проводницы, прозвучавший, словно из преисподней:

– Мальчики, чего застряли? Быстренько за мной. Я сейчас вас пока в свою конуру запроу на ключик мне надо разобрататься с пассажирами. Скоро отправимся; ну, а потом и с вами разберёмся. Лады?

– Нам татарам всё равно, лишь бы с ног сшибало начальница, как скажешь, – ответил Бекас, – поезд-то куда идёт? Случаем не в Магадан? А то нам в те края как бы ещё рановато.

– Не волнуйтесь мальчики, я прекрасно знаю – куда вам надо, вы об этом не раз на перроне говорили, а у людей, как вы знаете, уши для этого есть – Москва, Москва – дорогие мои, и никуда более.

Хлопнула с размаху дверью – теперь уже в своём купе, щёлкнула снаружи ключом, и звук её шагов стал удаляться по коридору. Среди сидящих в купе наступила мёртвая тишина; слышался шум города, разговоры на перроне, хлопанье дверей в вагоне, наконец, затянувшееся молчание нарушил Бекас:

– Ты смотри – шалава, даже вынюхала – куда нам надо ехать! И заперла сука, чтобы в другой вагон не сбёгли. Федот, я понимаю твои страдания, но мы же, не виноваты, что она на тебя глаз положила. Я тут немного прикинул и сделал вывод: это же не бикса молодая, потому думаю, тебя Федот одного на неё не хватит, придётся и нам в подельники подписываться. Нас троих для такой лошади, кажись и то маловато будет. Не пойдём – высадит нахрен на каком-нибудь глухом разъезде, где одни волки воют, возбухать станем – мусорам сдаст: скажет – сами залезли, да ещё и её изнашивать пытались. Ты как Лёха, готов, если что?

– Не-е-е, ребята, я пас, на меня не рассчитывайте; у меня гораздо получше были ситуации и то получился облом. Вы уж как-нибудь сами. Я ей лучше полы во всём вагоне шваброй вымою – только от этой забавы избавьте. Чё, ты на меня Бекас вылупился, кулаки сжимаешь? Говорю же тебе, что не получится у меня! Как погляжу на её харю – воротит!

– Чё на неё смотреть? Ты чё, жениться на ней собираешься? В купе темно будет, там не видно.

– Но я то, помню какая она!

– Лява, не зли меня! Скажи – нахрена тебе её помнить?

Ты, чё – искать её – потом собираешься?

– Слушай – Бекас, говорю тебе путём – если, к примеру, с этой шмарой я пересплю то, наверняка, на всю жизнь охота к бабам отпадёт.

– Проглотишь, если надо будет; не нравится – топай ногами по шпалам.

– Ну-у-у... с водярой, – тихо начал Лёха, – может и прокакает; пусть, лярва, три пузыря тащит из ресторана – даром не

получится. Хочет троих поиметь за то, что до Москвы сидя на лавке, нас довезёт – обломится! Федот, чего молчишь? Тебе начинать. Водяры хлопнешь малость; много вначале не пей, давно не пили, отрубиться можно. Сыграть банк надо до конца – второго фарта – может уже не выпасть, можем на неприятности нарваться.

– Молодец Лява, дошло, наконец, – сказал Бекас, – Басмач, чего молчишь? скажи хоть что-нибудь, а то подведёшь нас под монастырь.

– Да я не знаю; у меня, вроде бы ещё с женским полом ничего такого в жизни и не было, – равнодушно сказал Фёдор и отвёл взгляд в сторону окна.

– Тю-ю-ю! так ты получается девственник? не в монахи ли собрался? вот как раз и случай – разговеться; и невеста, что надо! на всю жизнь запомнится; слюни накапливай побольше, чтобы до старости – чем плевать хватило. А не хочешь? – слезай на первой станции и дальше иди костылями. – Сказал Лява, подхалимски посмотрел на Бекаса и умолк. Бекас косо взглянул на разговорившегося друга, со злостью сказал:

– Глохни Лява, все мы тут равны. Вот посмотрим, как ты отметишься: гляди, догавкаешься, что эта бабёнка в окно тебя вышвырнет, у неё силёнок хватит.

В это время щёлкнул в двери замок. Рая забежав в купе, скороговоркой проинформировала своих постояльцев:

– Мгновение мальчики: сейчас постельное разнесу, чайком напою и мы тогда свободны, как ветер.

Она действительно носилась, словно ветер; предчувствие предстоящей необычной ночи окрыляло её, то возбуждение, не укрытое глазу, те липкие, порой даже грязные и распутные взгляды, которые она постоянно бросала на Фёдора, выдавало её с ног до головы, всю её неистовость и похоть. В этот момент она вряд ли сознавала, что соединить несоединимое невозможно.

Через час с небольшим, она распаренная от беготни, лицо стало багряно пунцовым с красными пятнами, влетела в каморку купе и с разбега грохнулась на угол сиденья.

– Фу-у-у! Кажись, справилась. Все такие пентодные: тому хрычу – простынь не такая, слишком она старой ему показалась или грязной кажется, тому чай холодный – заа-долбали! Первый раз в жизни в поезде едет, и ему всё не так. В общем – так, свободного купе, как я намечала, не получилось: то, что было под бронь, занял какой-то начальник – директор какого-то завода. Спать, разумеется, придётся по очереди. Порядок таков: двое сидят на откидных стульчиках в коридоре, один спит – потом меняемся. Вы как мальчики, согласны?

– Да нам хоть стоя, лишь бы ехать, и водяра с закусоном была, – сказал Бекас, – обещала ведь в натуре.

– Ну, это не беда, даже идти в ресторан не понадобится; я для такого случая всегда в дорогу с собой беру. На ужин что-нибудь из ресторана принесу; деньги у вас имеются?

– Рая, какие деньги? Ты что – по нас не зыришь, откуда мы отчалились? Там денег, кот наплакал, дают – на пачку махорки, а ты о каких-то деньгах, – сказал Бекас.

– Ну и ладно, я это предвидела: нет, так нет; где наше не пропало.

Фёдор продолжал держаться прежнего поведения: си- дел, будто немой, переводил взгляд с проводницы, когда она смотрела ему прямо в глаза, уставившись, как баран на новые ворота, на лица своих случайных друзей или попутчи- ков на скользкой дороге жизни. Проводница, видно и впрямь запала на Фёдора серьёзно: ежеминутно кидая взгляды в его сторону, она чувствовала, что парень её боит- ся; про себя думала: – «Такого телёнка ещё интересней бу- дет обломать...».

Вдруг Бекас поднялся со своего места, подошёл к двери, отодвинул створку, затем обернулся и сказал, тем самым прервав греховные и похотливые мысли Раи:

– Рая, можно тебя на минутку в коридор? Базар имеется.

– Что за секреты от своих друзей? – спросила она.

– Да не в этом дело, хочу, чтобы сюрпризом для них было.

– Ах, вот как? Ну, пошли, скрытник.

Вышли в коридор, Бекас плотно закрыл за собою дверь, подпёр её спиной и спросил:

– Казань скоро будет?

– Уже скоро, – ответила проводница, – поезд-то скорый, на больших станциях лишь останавливается; а зачем тебе Ка- зань?

– Стоять сколько там будем?

– Стоянка двадцать минут, почту грузить будут, так Ка- зань – зачем тебе?

– Да она мне нафик не нужна! Хочу предупредить тебя насчёт Федота, ты я смотрю, на него нехило запала.

– Ну и что из этого?

– В Казани ты же в тамбур пойдёшь, пассажиров прини- мать, так?

– Ну, так. И что?

– Запрёшь нас в купе на ключ – не забудь. Федот слинять может, ему в Уфу надо, он с тех краёв; а мы потом отвечай, не хорошо как-то получится, врубилась?

– Не волнуйся; как, кстати, тебя по имени зовут?

– Владимир, звали Вовчиком.

– Ну, вот и хорошо, Вовчик, иди в мои хоромы, а я в рес- торан за хавкой сбегаю, кормить то вас надо. Сделаю, как ты сказал; ты я вижу, парень толковый, понимаешь, что к чему.

– Вошедшего в купе Бекаса, Лява встретил с презритель- ной ухмылкой, сдерживая смех, сказал:

– Чего ты её в коридор тягал? Первым фалуешь? Так во- рота настезь, мог бы и при нас сказать, зуб даю, не обиде- лись бы.

– Да – боялся, что ты опередишь, вот и потянул. Тупой ты Лёха, как бревно сухостоя. С ней лучше по-хорошему, если до

Москвы хочешь нормально доехать. Бабы они ведь глупые – с ними хитрить надо; нам ещё от Москвы тысячу километров от- махать надо, так зачем лезть на рожон в самом начале пути?

Допив уже вторую бутылку водки, заев всё это каким-то подозрительным блюдом, прине- сённым из ресторана: если бы не водка, то возможно и есть не стали бы. И, когда про- водница вышла в коридор по своим служебным делам, Бе- кас, брезгливо морщась, при этом ковыряя вилкой, остатки блюда на тарелке, сказал:

– Чё-то не пойму? Что за дрянь она нам приволокла? Здесь, по-моему, рыба с мясом смешана, никак объедки со столов? Если бы не лук и перец – собаки бы не жрали. Вот, сучка, хоть на этом решила сэкономить!

Лёха в это время, продолжая доедать со своей тарелки, взглянув на друга, ухмыльнулся, скосил взгляд на остатки еды, немного подумав, сказал:

– А ты чего хотел? На халяву, да чтобы тебя по высшему разряду накормили? Ты кто? Граф или может быть князь? Скажи спасибо ресторану и нашей проводнице, что хоть паршивые объедки дали, всё-таки – хавка, а то пришлось бы последнее лавэ из карманов вытряхивать, а скорее всего го- лодными всю дорогу ехать. Не нравится – не жри; на зоне вообще тухлятину не за-подло ел. Терпи до своей Калмыкии, куда нас тащишь; там свежей бараниной отъешься.

В коридоре в это время послышался громкий голос про- водницы:

– Граждане – Казань, Казань! Стоянка двадцать минут. Не опаздывать, граждане, далеко от состава не уходить! Ка- зань, граждане, Казань!

Фёдор поднялся со своего места, медленно подошёл к двери и надавил на ручку. Дверь была заперта.

– Федот, ты куда? – спросил Бекас.

– Чего-то в туалет захотелось, может от этой еды живот что-то канудит.

– Федот, ты что, впервой на поезде едешь? На станциях туалеты запирают на ключ. Ты разве не знал этого? Сам по- думай, если во всех поездах на станциях станут ходить в туа- лет, то через месяц путей из-за дерьма не разглядеть будет. Пойдёт поезд – сходишь. Слышь, Раскольник, или Басмач? Не знаю, как и лучше тебя погонять: ты я смотрю – мурый бычара! Коль подписался, чего юлишь? Думаешь, не чую, что когти рвать хочешь? Ну, рви, не держим – вон в окно и сигай на площадку. Токо – это... как-то не по кентовски будет. Да- вай, Басмач уж на прямоту, как на зоне. Будь правильным, а? Фёдор вернулся на своё место, усевшись, тут же взял свой стакан и допил остатки в нём водки: теперь он сидел раскрасневшийся, глаза его посоловели, развалившись на сиденье в самом углу, глядя мутными глазами на товарищей, повёл разговор о своём «знаменитом» отце. Бекас взял оче- редную бутылку, открыл её, стал разливать по чайным стака-

нам, при этом поглядев на Фёдора, сказал небрежно:

– Басмач, ты лучше о себе расскажи, об отце потом как-нибудь, на досуге расскажешь...

Вошедшая в купе Рая, внимательным взглядом обвела подвыпившую тройку, подошла к столику, и сдёрнула с него початую бутылку водки.

– Обижайтесь, мальчики, – не обижайтесь, но по моему суждению, вам, пожалуй, достаточно будет на сегодня, ина- че эта вечеринка затянется до утра, а мне ещё и на больших станциях на перрон выпрыгивать.

Проводница лукавила, потому что вагон, в котором они ехали, был вторым от хвоста, и все пассажиры в этом вагоне ехали до конечной – Москвы. Двери в тамбурах она давно уже напрочь закрыла на ключ: раз, нет в вагоне мест, и раньше Москвы никто не сходит – смело можно до утра две- ри в вагоне не открывать.

– И вообще, – продолжила она, – время, однако уже позднее, мне ещё после вас в своём кубрике надо порядок

навести, потому, лучше всего будет, если двое из вас отпра- вятся в коридор на стульчики; заодно, ночным пейзажем за окном полюбуется. Лады?

Все трое, будто этого и ждали, разом соскочили со своих мест.

– Федот, а ты куда? – спросил Бекас, глядя насмешливо на Фёдора, – слышал же, сказано ведь было – только двоим купе покинуть? А ты, Федот, как упавший нам на хвост – по-лучается задний, вот и оставайся. Пошли, Лява.

Фёдор резко бухнулся на своё прежнее место, вжавшись в стенку. Через несколько минут, Рая, видимо кардинально приняв решение, – что интимные вещи в долгий ящик не от-кладывают, погасила в купе свет... Что там происходило дальше? – честно вам скажем – мы не знаем. Прежде, пото-му что, нас туда также не пустили, но немного времени спус-тя, нам удалось-таки в щелку подсмотреть – самый финал развернувшихся событий: к тому же – не так уж и мало про-шло времени, когда мы увидели такую картину. На узенькой полоске – кушетки-топчана лежали две человеческие особи. По сути, в душе они оба были несчастны, хотя минуты назад и испытали чувства высшего порядка – блаженства и востор-га. Прижавшись, друг к другу, к тому же лёжа на боку, эта па-рочка – каждый в отдельности – переби-рали в мыслях те ми-нуты – греховные мгновения, конечно. То, что опустошает вначале душу человеческую, а затем, когда томление совсем покинуло тело, на смену приходит холодное равнодушие, осуждение в неистовости похоти, а вслед за этим зарож-дающаяся враждебность: как к себе, так и к партнёру; ибо подобного можно избежать лишь в одном случае, когда это всё-таки любовь. Спальное гнёздышко Рая устроила, когда ещё свет был не потушен: откуда-то извлекла две табуреточ-ки, на них взгромоздила матрасы и подушки – получилось – как детская люлька, спи – не хочу. Фёдор, наблюдая, как она это всё быстро и профессионально устроила, подумал тогда,

что видимо подобных ему пассажиров здесь немало пере-бывало. Лежали они пока что молча: уставшие, разгорячён-ные, с ещё не иссякшим возбуждением; первой, как и пред-полагалось, заговорила Рая, ибо до этого момента, всё про-исходило при гробовом молчании, и ни один из них не про-изнёс ни слова, будто они и впрямь немыми были:

– Феденька, я вот думаю; зачем они тебе нужны – эти двое оборванцев? рано или поздно, но они тебя до добра не дове-дут, снова на зону отправитесь. Ты ведь человек совсем иного склада, они тебе не чета. Мой тебе совет – отделись от них.

Фёдор лежал, слушал внимательно, ни в чём не проти-воречил. Рая приняла сидячее положение и продолжила:

– У меня есть к тебе предложение. Приедем в Москву, ты расстанешься с ними, едем ко мне в деревню – она в шести-десяти километрах от Москвы находится, там у меня мама, больше никого. Поживёшь у меня, место не перележишь. Между сменами у меня четыре свободных дня, я сметаюсь в район, там у меня родственники есть в начальстве: в пас-портном столе двоюродный брат служит, да и в самой де-ревне полно. Выправим тебе чистые доку-менты; не будешь же ты всю жизнь по волчьему билету жить?

После я тебя устрою на работу к нам на железку, к приме-ру, можно к почтовикам для начала, да мало ли куда можно. Ты Феденька, не смотри, что я страшная, думаешь, я об этом не знаю? Знаю! Ещё как знаю, с детства ещё, но я с этим давно уже смирилась. Вот ты сейчас со мною был, и как я сделала вы-вод, совсем этого не заметил, ну, то, что я не красива, по-вашему – уродина. Значит красота женская – личико её, не главное. Так получается? К при-меру, женился ты на красивой бабёнке – насколько этого хватает, чтобы ты красоту её постоянно замечал? Иным на неделю – месяц, а другие на второй день свадьбы уже в другую сто-рону свои бельмы уставили. И после, они ведь даже не обращают внимания, не замечают эту красоту. Я лично думаю, что эта красота даётся женщинам

для приманки лишь, ну, как у рыбака червяк на крючке, чтобы рыбку подцепить. У меня масса добрых знакомых, подруг в той же Москве, в райцентре, в нашей деревне; и представь, никто из них не замечает, что я не красивая. Скажешь, таят в себе, привыкли? Как бы, не так! я неоднократно, окольными путями пыталась вывести их на чистую воду и узнать всё-таки – про-тивно ли им на меня смотреть? Поверь, многие обижались – говорили – что я с дерева

видимо упала. Говорили, что разницы между мной и другими никогда не замечали. Из этого что следует? Что главное – это душа, ну, и конечно сам характер человека, потому как с людьми надо жить дружно и не плодить себе врагов...

– Рая, без обиды, конечно, скажи, сколько тебе лет? – прервал её Фёдор своим вопросом.

– Что ты... – какие обиды могут быть. Много, Феденька, много: в этом году двадцать девять исполнится. Старуха уже, к тому же и уродина.

– Получается, что ты почти на десять лет старше меня?

– Ну, и что? Некоторая категория мужчин, к твоему сведению, вопреки разнице в возрасте, наоборот, нуждается в материнской заботе со стороны жены...

Она ещё долго: рассказывала, поясняла и доказывала, но Фёдор, предавшись своим размышлениям, её уже не слушал, потому как, сказанное ею до его сознания уже не доходило. Мыслями, перескакивая с одного на другое – он думал:

– Что-то моя жизненная дорожка сильно напоминает отцовскую участь – как бы, не повторить. Отец ведь тоже, скорей всего, отбывая ссылку, случайно женился на матери, или преследовал определённую цель. Ни в жизнь не поверю, что он заведомо обрекал себя на всю жизнь прозябать в глухой деревне. Эта, вот тоже манит. И главное – кусочки все лакомые: документики, работа, жильё и всё прочее, тут поневоле задумаешься. Те, два хмыря – тоже не подарок; скользкие

какие-то, немного разумом обделённые. Кстати, я так до сих пор и не знаю – за что они сидели? Надо будет при случае спросить. С ними тоже не фарт; она права, снова на нарах можно очутиться. Согласиться с её предложением? После съездить в Уфу, а там видно будет. То, что она предлагает заманчиво, да не для меня – на второй раз меня не хватит, я всё-таки ещё молодой к тому же бабы липнут.

Мне только и не хватало, как в двадцать лет под пята старухи попасть. И где же выход? Потом придумаем, сейчас надо поспать, днём всё равно не получится.

Уже за полночь, ближе к утру, открылась дверь в купе проводницы. В коридор высунулась её распатланная голова, каким-то полусонным, толи полупьяным голосом она сказала сидящим на откидных стульчиках ребятам, которые склонившись на поручень под окнами, положив голову на согнутую в локте руку, либо дремали, а возможно, что и спали.

– Эй! Спите? Давай в купе, одно место на двоих – вальтом.

Рая оставила двери в купе открытыми, после чего парни поднялись и направились к дверям. Войдя несмело в купе, остановились на пороге, но тут из темноты послышался голос проводницы:

– Чего стали? Простыни и одеяла я убрала, располагайтесь; один головой к окну, другой к дверям, а то скоро утро.

Сама тут же легла на полку рядом с храпевшим Фёдором, отвернувшись спиной к парням. Утром Бекас и Лява проснулись, когда Раи в купе уже не было, вероятно, встречала какую-то очередную станцию, или поила чаем пассажиров. Фёдор, после неистовости и похоти в ночи, буйства молодого организма в своём греховном распутстве, лежал на спине, положив согнутые в локтях руки под голову, и храпел так, что даже в коридоре, видимо было слышно. Бекас, словно осуждая Федота пороки, считая эту ночную связь за грязную страсть, брезгливо ухмыльнулся, посмотрел на него и сказал:

– Видишь, Лёха, наша помощь не понадобилась, напрасно дёргались, Басмач сам справился лучше некуда, вот тебе и монах никчёмный. Тюльку гнал, наверное, хитрожопый – падла! теперь и с пушки не разбудить – перетрутился, а говорил, что несоединимое век не соединить.

– Вовчик, нам-то, что? – сказал в ответ Лёха, – главное, что теперь уж точно до Москвы доведёт, а то ведь сомнения были. Представь, свалил бы он в Казани, и нас вслед за ним вышвырнули бы из поезда. И нафиг нам это надо?

В это время на вагонной полке храп умолк. Оба внимательно посмотрели в ту сторону Фёдора, увидев, что тот о ком они только что говорили, лежит с открытыми глазами, Бекас произвольно подумал: – слышал или нет? Фёдор резко поднялся, вскочив на ноги, приведя тем самым в замешательство своих товарищей, потому как те никак не ожидали от него такой прыти. Фёдор отгрёб в сторону постельные принадлежности, освободив тем самым полку присев на край, внимательно посмотрел на ребят и каким-то совсем другим, как им показалось, голосом сказал:

– Так, кореша, власть, кажись, поменялась – белые пришли! С этой самой минуты вы будете слушать то, что я скажу; если кому мои слова не по душе и он намерен поступать по своему – высажу на первой же станции. До этого времени вы тут меня держали за какого-то – типа дурочка, каким я, к вашему сведению, вовсе не являюсь, ибо в отличие от некоторых причисляю себя к людям образованным и непримиримым ко всякой подлости и низости. Далее: я всё это время держался навязанной вами мне роли, но теперь всё изменилось; в общем, так, чтоб не базарить, как вы любите говорить долго, объясняю доступным для вас языком. До Москвы вас, так или иначе, доставят, а там, наверное, я с вами расстанусь; разойдёмся, как говорится, как в море корабли. Вы своей дорогой, я своей; чья удачней будет – то одному Богу известно. Езжайте в свою Калмыкию, зарабатывайте там бабло, лично я

остаюсь в Москве. Раиса живёт недалеко от Москвы в деревне, перекантуюсь несколько деньков у неё до следующей её смены: молочка заодно парного попою у них, кстати, бурёнка в хозяйстве есть у её матери; ну а потом покачу обратно в Казань, куда вы так боялись, что я сбегу от вас.

Высказав всё, что намерен был сказать заранее он умолк: молчали и расхристанные после ночи новоиспечённые друзья его, ибо услышать ими откровение от вчерашнего никчёмного Федота они никак не ожидали. Всё это, как-то в голове не укладывалось – это как снег на голову среди лета. Нелепость какая-то, да и только! Федот, как человек безвольный, неприглядный, поникший в своей неопределённости – вдруг вознёсся на недостижимые высоты, о которых даже они не помышляли. Первым пришёл от оцепенения Бекас: с трудом ворочая языком, от утренней похмельной сухости во рту, облизав шершавые губы, сказал через силу:

– Федот, чё-то не врублюсь? Ты или с лавки упал сегодня ночью, или с бодуна ещё не проспался? А может тебе эта курва – чего-то на ухо нашептала? Или ты совсем сбрендил?! Скажи, зачем тебе смолоду биографию свою портить? А? Ты что? не видишь, что это за швабра? Она тебя так окрутит, что потом не отвяжешься. Федот, ты разве не видишь, какая она цепкая, настырная и липкая? Да ты от такой бестии в жизнь не отвяжешься! По шпалам станет бежать за тобой. Бельмы выпучит на лоб, орать будет, а ещё, в обязаловку – мусоров на помощь призовёт. Тебе это надо?! Поканал с нами, Басмач! Бабки надо заработать, себя в прикид нормальный и цивилизный обрисовать. Здесь ловить нечего: на завод пойдёшь за пятерик робу таскать? Дело говорю тебе, подумай.

Фёдор ничего не ответил на основательные доводы Бекаса: отвернулся к окну и стал смотреть за проплывающим пейзажем российских лесов. Все умолкли в ожидании, что всё-таки он скажет. Не поворачивая головы, продолжая смотреть в окно, Фёдор, наконец, вяло, произнёс:

– Ладно, приедем в Москву, там видно будет. Только ей не вякайте об этом разговоре, а то бабы умом изворотливые. По ходу придумает какую-нибудь гадость, обвинит нас в чём-то и сдаст в линейку.

– Без базара Басмач. Хочешь смотрящим над нами быть?

– пожалуйста, мы не против этого, мне как-то, даже лучше – отвечать не надо. А Рае – я даже напою на ушко, что кориша нашего увела: потерпевшие мы, как есть – пусть компенсирует, хотя бы водярой. Главное – там, на вокзале слинять незаметно, чтобы она не очухалась и мусоров не позвала, а так всё будет – ничтяк!

Прибыв в Москву, им повезло в очередной раз: поезд их подали к перрону густо усеянным народом, напротив их со- става стоял электропоезд с открытыми дверями, куда спешили пассажиры. Похватили в руки свои рюкзаки. После чего, за спинами выстроившихся на выход пассажиров протис- нулись к тамбуру. Затем тройка перебежала в соседний ва- гон и прошмыгнула в следующий. Спрыгнув на платформу, вскочили в открытые двери электропоезда. Выпрыгивая из вагона, Фёдор мельком взглянул в ту сторону, где был их ва- гон, и где на выходе стояла Рая: он ясно успел рассмотреть, что она стоит к ним спиной. Только вошли в переполненную народом электричку, тут же объявили: «Двери закрываются, электропоезд отправляется, следующая станция...». Куда идёт электричка, им было безразлично – лишь бы подальше от этого места. Последующее душевное состояние самой Раи мы описывать не станем. Прежде всего по причине, что нам это неизвестно, и мы лишь можем догадываться о том отчая- нье, может быть, даже проклятиях, которые так любят из се- бя извергать женщины: ибо как бы мы их не осуждали, но обманутыми по жизни всегда чаще остаются именно они. В этот и последующий день, прошлявшись по вокзалам Моск- вы, им, в конечном счёте, уда- лось уехать в южном направле- нии, правда, не сразу туда куда надо, а лишь до города Бо- рисоглебск. От него уже добирались до Ростова-на Дону – как придётся, больше на пере- кладных – от станции до стан- ции. Благо, что на то время, по случаю амнистии, подобных им, по вокзалам было много, потому милиция на них уже мало обращала внимания. Ростов-на Дону встретил их тихой и ласковой для этого времени погодой. Было тихо и тепло: в воздухе кружились редкие пушистые снежинки: садясь на ли- цо, они щекотали щёки и нос, отчего приходилось каждый раз вытирать ладонью то место; на деревьях, на засохших так и не опав- ших листьях, снежинки скапливались, отчего дерево ста- новилось нарядным, а в душе появ- лялось ощущение насту- пившего новогоднего праздника. Войдя в здание вокзала, спросили: – как добраться до города Сальска? на что получили ответ, что требуется перейти на пригород- ный вокзал, который расположен совсем рядом, после чего они туда и направи- лись. Вышли на привокзальную площадь, в правом углу кото- рой почтовики с тележек загружали посыл- ками почтовые ва- гоны. Подошли и ещё раз спросили у ближайшего рабочего бросавшего посылки с размаху в вагон как дрова, на что муж- чина, молча, махнул рукой в сторону – куда надо им. Куда им махнули туда они и побрели, не по тротуару, а прямо между путей по гра- вию. Вскоре вышли к платформам пригородного вокзала, упёршись в среднюю площадку, взо- брались наверх и направились к навесному крытому переходу над путями. Оп- равдать их дальнейшие действия можно было лишь по одной причине – это если бы они не знали, что на любом вокзале, кассы, где продаются билеты, всегда находятся на первом этаже здания, притом, сколько бы этажей в этом здании не было. В данном случае их словно чёрт попу- тал, направив к надземному переходу через железнодорожные пути. Ко все- му этому, идти по этому маршруту предстояло через зал ожи- дания второго этажа, где располагались всякие кафетерии, мягкие лавочки, обтянутые дерматином, где в покое отдыхали пассажиры в ожи- дании отправления своего поезда, и где по-

добным, даже по обличью типам, как раз не место, того и гляди – чемодан сопрут. Тройка подошла к входу перехода длинной лестницы наверх, не раздумывая стали подни- маться. Наверху застеклённого перехода прямо напротив лестницы стояла компания молодых парней, которые были модно оде- ты: с ещё не вышедшим из моды широким, с клиньями клё- шем, в мокалинах на конусном и высоком каблуке, с длинны- ми патлами волос, спадающими на плечи. У одного из них, стоявшего в центре, в руках была гитара, под которую он за- душевно пел так, что хоть плачь; ребята, поднявшись по сту- пеням, стали в сторонке и решили послу- шать. Сама, стоявшая на дворе погода и то настроение, с каким прибыли молодые люди в зна- менитый в уголовных кругах Ростов-папу, как нель- зя, кстати, по содержанию рассказывалось в той песне, кото- рую так жалобно и, хорошо, исполнял подросток, скорей всего ПТУшник.

Огни Ростова встретились нам в пути, Наш поезд тихо, тихо подвалил,

*Тебя больную, совсем седую, Наш сын к вагону подводил.
Так здоровый посевшая любовь моя, пусть падает и кружится снежок.
На ветки клёна, на берег Дона, На твой заплаканный платок.*

Дослушав песню, пошли дальше по длинному светлому коридору в зал ожидания: войдя, не успели пройти и до середины его, как к ним с двух сторон подошли два милиционера: пойдя они на первый этаж, на них бы никто и внимания не обратил. Милиционеры на месте не стали даже выяснять кто они и откуда, тут же увели их в линейное отделение.

В самой линейке имелась каморка, на случай короткого содержания задержанных, в неё-то и поместили ребят. Вошли в тесное продолговатое помещение, где понад стенами имелись лавки, и на которых сейчас спало двое бомжей – друг напротив друга. Определить, что это бомжи особого труда не составляло, потому как, тот смердящий запах, ударивший в нос, говорил о том, что эти двое мылись, возможно, ещё в детстве. Долго не раздумывая, Бекас, подойдя, ударил ногой одного, затем второго, громко сказал при этом: – Брысь, гниды, сучье племя, пошли вон к порогу! Навоняли тут – дышать нечем.

Бомжи вскочили, прошли к дверям и уселись на корточках по обе стороны её. Ребята уселись на лавки храня молчание, предаваясь оценке создавшейся ситуации, в которую они вляпались – каждый по-своему в уме; выяснять между собой, что и как, пока не торопились. Исходя из здравого смысла, который в данный момент, наконец-то посетил голову Фёдора: напрасно он не согласился с предложением Раи: исправить в самом начале его свободной жизни своё бездомное прозябание, ибо, не последовав её совету, дальше – его словно пушинку по ветру – понесёт по дорогам страны. Взглянув на сидящих у порога бомжей, подумал, что может наступить вероятность того, что и он станет, подобен, этим двоим. Размышления их были прерваны открывшейся дверью; младший сержант с двумя блестящими позолотой лычками, просунув голову в коморку, сказал:

– Фу-у-у ну и вонище! Никак в штаны кто наложил? Это не от вас так пахнет, слушаем? – глядя на ребят, спросил он.

– Ошибаешься начальник, – сказал Лёха, – мы почистей будем, это от ваших постояльцев: распарились в тепле, вот и пошёл духан.

– От наших, так от наших. Пошли все трое к капитану, потом разбираться будем, от кого и чем воняет, – сказал сержант, растворил нараспашку дверь, а сам стал сбоку. Прошли по коридору, вошли в комнату, где за столом сидел мужчина уже не молодой в звании капитана, который тут же протянул руку вперёд, сказав при этом: – документы!

Расстегнув ватники, вынули из нагрудных карманов свои справки, подошли к столу и положили перед капитаном.

– Без справок и так видно, откуда вы, но для сведения прочитаем, – беря по очереди листки, пробегая взглядом, явно не задумываясь, сложил их в стопку, сказал далее, – отчего это вас так далеко занесло от родных мест? Вы давно на учёте должны были стоять по месту прибытия указанном в справке, а вас хрен принёс в Ростов, будто у нас своих, побольше вам мало. Если не секрет, куда же вы направляетесь? Никак к морю, где потеплее?

– На заработки, – сказал за всех Бекас.

– А что в ваших краях безработица?

– Обговорено было, ехали кошары овечкам строить.

– Кошары? Фу ты! Надоумил, я же про Абдулу совсем забыл. Вот как раз, кстати, ему и надо строить то, что вы только собираетесь. Как говорят: на ловца и зверь бежит, вы прямо, как по заказу ко мне прибыли. Одобряю. Так, куда же вас деть? Придётся вас отправить в Ленинский райотдел. Дергать вас здесь у меня негде, не будете же вы жить на улице, пока Абдула за вами приедет, а там вас определят и накормят. Нары, кормёжка, тепло – вам не привыкать.

Снял трубку телефона и стал вращать на нём диск.

– Петрович, слушай, у меня тут три хмыря, как раз те, что надо, которых Абдула просил, пришли ребят – пусть забирают. Только кормите вы их там, для работы ведь нужны, ну ты понял.

– Начальник, так за что? – спросил Бекас, – вроде бы за нами ничего не числится, почему сразу на нары?

– А вот у нас на это целый месяц по закону имеется, для того чтобы проверить, как ты говоришь, числится за вами что или не числится. Прежде всего, вы уже нарушили режим пребывания на свободе – это первое. Вы, как досрочно освобождённые по амнистии находитесь оставшийся за вами срок, что не досидели как поднадзорные. На место регистрации не прибыли, мотаетесь по стране, да я могу хоть сейчас вас отправить по этапу, а там пусть разбираются с вами – куда вам ехать, где вам строить, это меня уже не колышет. Въехали – думаю? Так что, лучший вариант тот, который я вам предлагаю. Вы же всё равно ехали эти сараи или как их там, строить, так какая вам разница кому и где строить? Сержант уводит их пока, пусть посидят, пока приедут из Ленинского райотдела за ними.

Сидя на лавках в комнатухе и ожидая, когда за ними приедут, Фёдор, нарушив молчание, сказал:

– Вот вам и четвертаки ваши, которыми вы бредили. У меня ещё в дороге перед Москвой душа чувствовала, что напрасно с вами связался, потому и отчалить от вас хотел. В последний момент передумал – из-за тебя Бекас! Умеешь ты в душу нагадить, к бабке не ходи, знал, на что надавить. Лежал бы я сейчас на пуховой перине, пил бы парное молоко, а Рая бы суетилась вокруг: Феденька, – ласково говорила бы мне, – может тебе водочки подать? Или коньячку? – Винчишко крымское люблю – «Хересом» называется, креплёное, усекала? – сказал бы ей. А теперь с вами клопов души по соседству с вонючими бомжами. Кстати, всё некогда спросить, вы оба – сами то, откуда будете?

– С Волги, – сказал Бекас, – между Чебоксарами и Горьким в районном центре жили, к тому же подельники с Лявой.

– Весомое что? Хотя за весомое дело, вряд ли бы под амнистию попали.

– Не секрет – в сельмаг влезли, обмишулились – спору нет...

– Это ты обмишулился, – крикнул Лёха, – я сразу был против твоей дурной затеи. Басмач ну сам посуды: рядом сберкасса, где сторож с ружьём сидит, а его хрен надоумил в магазин этот лезть. Сказал, что – типа там продавщица алкашка, каждый вечер домой еле ноги тянет, может, говорит, и на замок магазин забыла закрыть. Подходим, значит, с тылу —

замок на месте, надо стекло выставлять. Обошли кругом: со двора решётки на окнах, с улицы лезть не будешь, на одной стороне совсем нет окон, на второй боковой одно лишь – в него и полезли. Заклеили шпалерой, саданули, оно и вывалилось вместе с рамой. Влезаем, значит, ни хрена не видно, идём мацая стены, не будешь же спички зажигать. Когда вошли в сам зал, где товары, там виднее стало, с улицы свет через окна светил. Бекаса, падкого на бабки сразу к кассе потянуло, а я тем временем коньяк по карманам распихивал, лезли-то за этим – за бухлом, а его к деньгам потянуло, может, там их и не было. За прилавком на полу спала подруга продавщицы, такая же алкашка, ну кто мог подумать, что она её здесь на всю ночь оставила, наверное, в усмерть наклюкалась, не иначе. Бекас возьми и наступи на неё. Та как вскочила, как заорала пронзительно, мы чуть было, в штаны не наложили. Ломанулись к окну, а в подсобках темень, забыли, куда и бежать надобно, пока искали то долбанное окно, та, дура, продавщица орать как резанная, вылезает из окна, а тут и легавые подкатывают на «воронке», да человек шесть, не меньше. Куда когти рвать? Гляди ещё в горячке и пристрелят. Сторож скорей всего вызвал, сберкасса то рядом. Ту сучку вместе с нами погрузили в «воронок», вначале её нашей подельницей посчитали; дорогой допытывались, чего это мы не поделили, чего – хай подняли? ржали над нами, как над круглыми идиотами. Утром пришла продавщица, и её выпустили – разобрались. Ну а нам по трёшке и на зону. Следак

сказал, что мог бы и на больше нас отправить, коль там был потерпевший, – при- кинь? – эта шмара ещё и потерпевшая! а это уже другая статья

– грабёж, разбой и прочее. Спасибо продавщице, за то, что сказала, она не знает, как её подруга в магазине очутилась; скажи она, что специально её попросила посторожить – и нам бы хана, лет на восемь бы загремели. зуб даю Федот, моей подянки – там не было, не послушал Бекас меня. Может, и ты расскажешь за себя?

– У меня иначе – дела сердечные, четыре года впаяли, теперь в армию точно не возьмут, статья не позволяет.

– Слушай Басмач, у тебя всё время какие-то непонятки: дали четыре года за бабу, как я понимаю, отсидел всего год и под амнистию проканал? Так, по-моему, не бывает.

– За девчонку, за которую я дрался с троими всё понятно. Там я одного ножом пырнул, друзья его убежали, а мне пришлось ему жизнь спасать, кровью истекал, я скорую вызвал, потом милиции сам сдался. А вот насчёт амнистии ты прав, я сам голову ломаю – почему и как? Меня перед этим сам начальник колонии допрашивал: долго, часа два, наверное, а о чём? Я и сам не понял. Главное – что, о том, за что посадили, ни словом не обмолвился: то об отце, то, был ли в Ленинграде? Я вот единственное объяснение предполагаю: может на колонию пришла разрядка на определённое количество человек, которых должны были выпустить? Если не хватало с половинным сроком, стали подбирать кого попадя

– лишь бы отчитаться?

– Да Федот, запутанная твоя биография, – сказал Лёха. Бекас в это время сидел в самом углу, насупившись, не принимая участия в разговоре, вероятно, обидевшись на своего друга. Повернув голову, он всё же сказал:

– Давайте лучше подумаем о нынешнем нашем положении, про себя рассказать ещё время найдёте; сейчас надо как-то выпутываться. Слышали капитан какого-то Абдулу упоминал? а это не хороший признак, где появляются чурки, там добра не жди...

В это время открылась дверь и сержант, распахнув её настежь, смеясь скомандовал:

– Карета подана гости наши дорогие с вещичками на выход!

Сержант сопровождал их на улицу до милицейской машины, на прощанье сказал милиционерам принимавших к себе постояльцев, чтобы не селили их в бомжатник, и кормили по-человечески, потому как, скоро за ними приедут. Последние слова сержанта хоть какую-то вселили мизерную радость в душу ребят. Что касается самой неволи – от этого они ещё не отвыкли, а вот от деревянных голых нар – давно, в колонии спали-то на кроватях. На восьмой день пребывания в спецприёмнике, в душе и между собой всё проклиная, все трое теперь согласны были на всё: с тоской дожидаясь того самого Абдулу, который всё не ехал, а выбраться из этого вшивого гадюшника не представлялось никакой возможности. По сути, у них была лишь одна возможность – это дожидаться Абдулу, которого они порой заведомо представляли себе исчадием ада. Хотя они и были вчерашними постояльцами зоны, но клоповник этот для них был противоестествен, себя они, как бы то, ни было, причисляли к людям цивилизованным. На девятый день – считали, чтоб не сбиться со счёта, рисуя палочку на стене – ещё с утра их позвали на выход с вещами – это была, по их настроению уже победа. Конвойный вывел ребят во внутренний двор, где они тут же увидели стоящий «УАЗ» с помятыми боками, с прорезами железного ящика-салона, выкрашенного в зелёный цвет, вероятно, ранее принадлежавший какой-то воинской части. После удушливой камеры, вдохнув на полную грудь чистого морозного воздуха, все трое опьянели, а лица расплылись в улыбках; что значит вдохнуть частицу свободы! С новыми устремлениями в душе, в беспредельности своей молодости, не обращая внимания, на непроглядную тьму своего ближайшего будущего, смело направились к стоявшей во дворе машине.

ГЛАВА-2.

При появлении ребят во дворе из машины вышло двое крепких парней: невысокого роста, спортивного, а больше бойцовского телосложения один из которых был явно азиатских кровей; ребята ещё подумали: – наверное, это и есть тот

самый Абдула. Одеты эти быки, как их про себя уже назвал Бекас, были в добротные овчинные дублёнки, в руках лайковые перчатки на меху, которыми они как по команде ударяли по ладони. Конвойный, подойдя, подал им листки, в которых ребята узнали свои справки, сказал на прощанье парням:

– От шефа привет Абдуле передадите, скажите, что он ждёт на днях его, а этих грузите и так вторую неделю торчат здесь в приёмнике не по правилам. Пока. Счастливого пути вам...

На удивление в салоне машины было тепло, чисто и по домашнему уютно. Впереди у спины водительского кресла на полу стояла какая то конструкция незнакомая ребятам, которая вентилятором гнала горячий воздух в салон.

Войдя в салон, прошли к задним сиденьям и уселись рядышком, после чего в салон запрыгнули те двое: один сразу уселся в кресло, а второй опёршись на поручни сидений и глядя на ребят, сказал:

– Значит так пацаны: меня зовут Джафар, вон, того моего помощника – Дыня; теперь по порядку представьтесь, можно по кликухам.

По очереди – каждый назвав себя – по порядку и вздохнули; будто тяжкий груз сбросили с плеч, а впереди ожидает блаженный отдых от непосильной прежде ноши. «УАЗик» шустро бежал по чистому морозному асфальту; за окнами проплывали строения посёлков и станиц, но часа через полтора и справа и слева простиралась уже степь, лишь иногда вдали видны были строения животноводческих корпусов, две-три водонапорные башни похожие на немецкую гранату последней войны, да ровные ряды жилых продолговатых домиков. Спустя время справа промелькнул указатель с названием населённого пункта, и ребята успели прочитать – «Сальск», а Джафар к тому же дал пояснения: «Знакомьтесь – столица ростовских степей город Сальск». Машина вскочила в неширокую улицу, за окнами которой по обе стороны стояли дома ничем не отличающиеся от обычной

деревни, Бекас на весь салон сказал: – И какой же это город? Обычная деревня.

– А тебе что, небоскрёбы подавай? – в ответ сказал Джафар, – там, где вы будете, даже такого нет. Вы, как мне сказали, из глубинки России. Ваши деревни по сравнению с нашими посёлками – клоповники, притом, что у вас там кругом лес да болота.

Вскоре въехали за высокий кирпичный забор, судя по строениям корпусов, какого-то предприятия, поплутав между строениями, машина остановилась у двухэтажного здания.

– Приехали, – сказал Джафар, – вылезаем и идём к начальству, вы уж меня не подведите, недаром же я за вами в такую даль гонял. Мужик он у нас с характером – не понравитесь, возьмёт и обратно отправит. И чё? Мне вновь вас вернуть обратно?

По металлической лестнице с улицы поднялись сразу на второй этаж, а затем пошли по длинному коридору, которому казалось, конца не будет. Наконец, идущий впереди всех Джафар остановился у двери, жестом ладони показал, чтобы ожидали, сам вошёл в двери. Через минуту вышел вновь жестом руки махнул, чтобы заходили, а когда все трое вошли, закрыл плотно дверь и остался стоять на пороге, как чайной. Посреди просторной комнаты стоял продолговатый стол, за которым в кресле восседал грузный, казалось, круглый мужчина, более похожий на людей с далёкого востока, или, как подумал в этот момент Фёдор – калмык. Одутловатые щёки, узкие глаза, будто лисьи, а самой шеи словно и не было совсем, голова лежала, будто на плечах. Он долго разглядывал ребят, переводя взгляд с одного на другого, продолжая молчать, будто вспоминая, зачем они здесь, или что с ними делать?

– Вот думаю, куда вас можно применить? Мне говорили, что вы путь держали в наши края, чтобы строить кошары для овец, так?

Все трое дружно кивнули головами, продолжая внимательно смотреть на сидящего за столом Абдулу, ибо теперь они уже не сомневались, что именно он сейчас перед ними.

– Дело хорошее, к тому же востребованное. Строительством ранее приходилось вам заниматься?

– На зоне всё приходилось делать, там всему научат, – сказал Бекас.

– И кто же из вас кто? – глядя на разложенные справки на столе, спросил он.

После того как каждый назвал себя, Абдула остановив взгляд на Фёдоре, спросил:

– С виду ты кажись больше татарин, а фамилия и имя русское? Поясни.

– Мать башкирка, отец русский, – ответил коротко Фёдор.

– Понятно – половина на середину. Обрезанный? Фёдор, молча, кивнул головой в знак согласия.

– Значит мусульманин. Вы двое в коридор, Джафар, проводи их, а этот половинчатый пусть пока останется, – когда все ушли, Абдула продолжил, – бери стул присаживайся, поговорю немного с тобой, настроение у меня сегодня к этому расположено. Не знаю чем, но доверие ты мне внушаешь, в отличие от твоих друзей, к тому же ты мусульманин. Намаз, конечно, не соблюдаешь; ну да молодёжь вся такая, поставишь, станешь соблюдать. Что я хочу тебе сказать. У меня правило – своих единоверцев не гнобить. Хочешь, хоть сейчас тебя отпущу на все четыре стороны? Отдам тебе эту царёву грамоту, – потряс в воздухе справкой, – и катись куда вздумается. Но куда ты Федя пойдёшь?! Ты пойми, тебя-то в этом мире и нет вовсе. Вот скажи, для кого конкретно на сегодняшний день ты есть? Для одной матери где-то в захолустье? Так она бедная и не знает – жив ты или давно уже нет тебя на этом свете. Представь себе – мир есть, а тебя нет. Будешь, к примеру, сейчас спускаться по железной лестнице,

поскользнёшься – упал, убился. Зароем в землю, и никто за тебя даже не вспомнит, никто, ни одна живая душа. Получается, что и нет тебя в этом мире. Или ещё ранее: вышли вы трое за забор колонии, свернули с дороги по нужде, а там у вас кругом, кажись, болота; попал один из вас в трясину – бросились помогать ему, да и ушли все втроём безвестно в то болото. Потому, оставшись у меня, у тебя появляется большая возможность заявить в дальнейшем о себе, что ты существуешь всё-таки на этом свете. При хорошем раскладе, лишь я могу поспособствовать и вывести тебя на широкую дорогу жизни. Вон, Дыня, который вас сопровождал, был похуже вас троих, а теперь видел орёл какой?

Расскажи о своих дружках, кто чего стоит.

– Ни какие они мне не дружки: до того как за ворота зоны вышел я их вообще не знал, за забором уже познакомились. Скользкие типы, всё стремятся за счёт кого-то в рай проскочить.

– Примерно так я о них и подумал, значит, не ошибся с первого взгляда, потому и пошёл на разговор с тобой. В общем так! Оставайся не обижу. За этими двумя будешь присматривать, в случай каких-то с их стороны действий должен принять правильное решение, не справишься сам, проси помощи у Джафара. Работать по-настоящему начнёте с ранней весны, к тому времени людей к вам добавим. Назначаю тебя за старшего, зиму поработаете в совхозе, куда сегодня вас и отправят: там и жильё и питаться в столовой будете. Иди Федя, набирайся сил и ума заодно, но скажу тебе откровенно: на твоём месте, я бы в такую даль от родного дома не поехал бы. Дом есть дом

– там все свои. Теперь уж что, постарайся дружить с нами, как это принято у правоверных мусульман. У меня к тебе доброе расположение – не забывай об этом. Можешь идти.

В тот день, уже поздно вечером всех троих доставил на место в овцесовхоз. Разместили в нетопленном помещении называемым общежитием, представлявшем барак – ещё до-

военной постройки: по комнаткам стояли солдатские ржавые кровати, с теми же солдатскими матрасами и одеялами; стояли тесно – рядами, на что Лява скептически поглядев, сказал:

– Та же зона – нет только контролёра да забора. Бекас, ты приволок нас сюда – в какие-то непонятки: или ты темнил что-то насчёт своего кореша, или он тебя в тёмную сыграл. Ехали бабки калымить, а нанизали нас на крючок, как песка- рей. С тобой, куда не пойдешь везде неведуха! Ты думаешь, если кулаками умеешь молотить, так этого достаточно? Головой надо уметь ещё работать. Как что, – так в рыло дам! Я чувствовал, что где-то подлянка нас ждёт...

– Лява, одна баба тоже чувствовала, что у неё между ног что-то есть: заглянула, присмотрелась, пощупала на всякий случай, а там, оказывается – ничего нет. Так и у тебя, Лёха.

Фёдор не стал вступать в пререкания своих невезучих друзей, не раздеваясь, взяв перед этим ещё пару одеял с со- седних кроватей, улёгся подальше от скандаливших парней и предавался своим размышлениям. Мысленно перебирая хро- нологию последних событий постепенно возвращаясь в про- шлое, как бы пытаясь найти в нём ту точку, от которой пошли все неприятности, он дошёл до первых месяцев пребывания в колонии, когда, вдруг ни с того, ни с чего вызвали к начальни- ку колонии. Да и разговора, как такового почти не было, ду- мал он, продержал уйму времени, спрашивал, то о матери, то об отце, словно мы ему родственники, обо мне совсем речи не вёл. О самих родителях в деле указано; спрашивается – за- чем ему узнавать ещё какие-то подробности? Но выпытывал же, по ниточке тянул. В конце каким-то ласковым стал, думал, руку на прощанье жать станет. Всё-таки, есть какая-то загадка. Но где она? Если не сказал сам хозяин, то кто об этом ещё знать может? Никто. Может он один лишь и знает, тогда и я никогда не узнаю. И как не обижайся на судьбу, а в отдельных случаях мне везёт всё же, словно ангел хранитель за спиной

стоит. Взять хотя бы последний случай – с Абдулой: Джафар предупреждал, что Абдула мужик не покладистый, а ко мне отнёсся чисто по-человечески. Может, хитрил? Зачем ему хит- рить со мной? Кто я для него? – так, мелкая пташка, не станет он время терять на таких как я. Потом в этом поезде: не будь меня, долго им пришлось бы ещё до Москвы добираться. Жаль, конечно, бабу, но я то, тут причём? Не осчастливишь каждую встречную, тем более такую, как Рая. Но главная со- бака зарытая осталась там за забором колонии – эта амни- стия. Спрашивается, с какого это бодуна меня внесли в число подлежащих амнистии, когда мне до половины срока ещё це- лый год сидеть? Ну ладно бы не хватало нескольких дней, а то ведь отсидел всего лишь четверть срока. К тому же я на всю колонию один получился такой, даже авторитеты всполоши- лись: к авторитету – Хмурому тягали; тот смотрел, смотрел, после сказал и в то же время спросил, что никак за забором рука лохматая имеется? Вроде бы ты не сука и не стукач, если бы был таким, давно бы знали. Сказал ему, что понятия не имею, на что тот ответил, – темнишь, пацан, так не бывает, иди, даст бог, ещё свидимся.

На этих мыслях Фёдор уснул крепким сном праведника.

* * *

Вернёмся в год тысяча девятьсот шестьдесят девятый: середина лета, колония общего режима, в которой находит- ся наш главный герой повествования Фёдор Раскольников. Каби- нет начальника колонии, подполковника внутренних войск Забелина Василия Петровича. В кабинете за столом сидит мужчина уже преклонных лет: с седыми волосами на голове, коре- настый, немного сутулясь, толи от горба мышц на спине, какие бывают у тяжелоатлетов, толи от природы устройства самого позвоночника. Перебирая папки личных

дел недавно поступивших в колонию новых заключённых и знакомясь с их уголовными делами, открыл очередную пап- ку – «Личное дело». Полистал взад – вперёд, местами вчи- тываясь, закрыв – отложил в отдельную стопку и взял сле- дующую. Но тут же, как бы пере- думав, взял со стопки пре- дыдущую папку, открыл её и стал вчитываться. Нажал на кнопку звонка на крышке стола, после чего в кабинет вошёл лейтенант, обращаясь к которому он ска- зал:

– Из третьего отряда, есть там такой Раскольников Фёдор, давай его срочно ко мне.

Сказав это, не поднимая головы, продолжил читать содержимое личного дела. Василий Петрович доводился внуком знаменитому в своё время советскому разведчику Василию Забелину, который ещё вполне здравствовал в свои семьдесят пять лет, находясь на заслуженном отдыхе, но иногда посещал военные учебные заведения подобного его профессии профиля и читал там лекции. Отец Пётр Васильевич был человеком науки, может быть из-за этого, в своё время, внук и не пошёл по стопам деда, а предпочёл гуманитарный исторический факультет МГУ, после окончания которого, отправился на два года служить в Советскую армию в звании лейтенанта на должность замполита роты. Со временем прирос в самой армии, посвящая всё своё свободное время любимому увлечению, к тому же и основной своей профессии – истории. Как обычно, чаще всего каждый историк отдаёт предпочтение какому-то определённому периоду во всемирной истории. Истории до конца непостижимой, необъятной, в то же время запутанной в своих отдельных событиях; историю, которую изучают столетиями, так и не приходя к единому мнению. Последнее время Василий Петрович увлечён был периодом зарождения, становления и прихода к власти партии большевиков. Изучал те скрытые, по сути, недоступные места и отдельные события, о которых не прочесть ни в одних учебниках, ни в доступной какой-либо литературе; а если и есть где-то какая-то информа-

ция, то она хранится за семью печатями в металлических сейфах под грифом «Совершенно секретно». Собирая по крупицам информацию об отдельных событиях и лицах участвовавших в них, он, так или иначе, зачастую на уровне интуиции, приходил к истине: по крайней мере, так иногда ему казалось. В тот день, перебирая папки и знакомясь с личными делами заключённых, он натолкнулся на фамилию, к тому же с одинаковым именем, которое его сильно встревожило, потому как, совсем недавно он изучал дело, события которого случились шестьдесят четыре года назад, – убийство Саввы Морозова в номере гостиницы в Канах. Именно там, не для широкой публики фигурировали две фамилии известных в то время большевицких боевиков и террористов в одном лице: Леонида Красина и Фёдора Раскольникова, третьим лицом была любовница Саввы Морозова красавица Мария Андреева, которая являлась тайным агентом лично Владимира Ленина, и им же, в своё время, и была подложена под Морозова для выкачки денег на нужды партии из кармана российского миллионера. Чем больше Василий Петрович изучал и ковырялся в грязном белье большевиков, тем больше ужасался, недоумевал той беспределности, наглости, жестокости, не праведности их к власти. Как-то, рассмотрев приход к власти в Германии нацистов, сделал вывод, что те к власти пришли гораздо более демократическим путём; по сути – законным, по сравнению с большевиками.

Но сейчас его волновал совсем иной вопрос – его подопечный, который обитает на его подведомственной территории в третьем отряде. Кто он?

Из его личного дела известно, что отец его коренной ленинградец, осуждён по пятьдесят восьмой статье, а затем после отбывания срока в лагере высланный на вольное поселение на север Татарии, а после был направлен в Башкирию. То, что впоследствии, из политического скатился до уголовщины, и стал обычным убийцей и грабителем – это лишь лишний раз

подтверждает, что яблоко от яблони далеко не катится. Назвать могли, – рассуждал Василий Петрович, – просто ради фарса, но больше похоже на то, что в честь знаменитого деда, или прадеда, кто он там ему? как и меня, к примеру. А если так? То получается, что у меня в колонии сидит внук знаменитого Фёдора Раскольникова, ближайшего окружения Ленина, тот, кто делал революцию и стоял у истоков создания большевицкой партии; если это так? то мне-то, зачем нужна эта лишняя головная боль? Будет лучше, если это чернильное пятно сразу удалить, а не ждать пока оно расплывётся по скатерти. В области исторического прошлого не один я просвещённая личность, сюда за забор иногда попадают такие ходячие инциклопедии, что я им и в подметки не гожусь, а любой гуманитарий в сравнении с ними – первокласс-

ник. К тому же у меня на носу пенсия и но- вый сын капитана «Шмидта» у меня на территории мне вовсе ни к чему. Внук он ему или нет, но это просчёт, просмотрели, пятно на партию: рано или поздно станут искать стрелочника, кто-то должен ответить за недогляд. Скоро амнистия, вот мы его и сплавим от греха подальше. Пусть лучше растворится среди заводов истроек, чем на зоне появится потомок вождя, который вместе с Лениным делал революцию. Если что, то и перед начальством весомый аргумент, в то же время заслуга моя, что вовремя выявил – просмотрели то в самом начале; историю партии надо знать товарищи!

Когда станут составлять списки заключённых подлежа- щих амнистии, подполковник вызовет к себе в кабинет капи- тана, который непосредственно занимался этими списками, и собственноручно впишет туда фамилию Раскольников. Капитан, стоя в это время за спи- ной начальника, через плечо заглянет в раскрытое на столе личное дело; вздёрнет на лоб свои густые брови, укажет большим пальцем в потолок, на что начальник колонии прекрасно всё, поняв, ответит:

– Понимаю, на что намекаешь, беру всю ответственность на себя: сам видел – своей рукой вписал его в список, в слу- чай чего – мне и отвечать. Могу тебя успокоить: на этот счёт у меня есть особый аргумент, за который начальство ещё и благодарить нас с тобой будет.

Капитан, недоумевая, подозрительно поглядел на своего начальника, словно подозревая его в умопомешательстве, пожал плечами, забрал бумаги, уходя, на пороге ещё раз ог- лянулся, и наконец, вышел, после чего Забелин тяжело вздох- нул и вслух сказал: – Ну, кажись полдела сделано.

Подполковник Забелин к своему солидному возрасту, мог бы уже носить на своих пого- нах те же две звезды, только не- много больше по размерам и расположенные вдоль, а не по- перёк погона. Возглавлять не колонию общего режима распо- ложенную среди лесов и болот, а командовать, пусть даже каким-нибудь захудалым военным округом в звании генерал- лей- тенанта. Как-то, будучи в отпуске в гостях у своего знаме- нитого деда-разведчика, дед спросил с упрёком внука:

– Что так тупо по службе продвигаешься, может партий- ной идеи в тебе мало? С пар- тийных работников скатился до низов общества, разве тех, что под твоим руководством пе- ревоспитаешь?

На что, внук спокойно ответил:

– С одной стороны ты, наверное, и прав: но больше – за- чем мне это? Я доволен и нынеш- ним своим положением. Карьера военного для меня всегда была чужда. Я историк по жизни и в душе – это моя слабость: истории, о которой знают лишь единицы людей, которая скрыта от общества.

– Тогда тебе надо было идти по моему пути – выковыри- вать эти тайны, – сказал Василий Михайлович.

– Я дед люблю свою землю; жить на чужбине – это было бы не по мне. Лучше среди зеков, но дома, чем среди чуж- дых тебе людей, к тому, же вне Родины.

– Ну-ну. Трудно тебя понять. Вот сейчас диссидентов вся- ких развелось, о них только и разговору: и в печати, и по ра- дио; толи мода такая пошла, толи и впрямь общество пере- рождаться стало? Ты, вроде бы к ним не относишься: взгля- ды не те, в заграницу не стре- мишься подобно им; но смотрю, у тебя к власти какая-то апатия, безразличие и скептицизм, откуда это у тебя, в чём дело? Разуверился?

– Скорее понял многое. Слушай дед, ты разве никогда не думал о том, что власть – это та же религия, это узаконенные секты в масштабе государства? Политики – те же апостолы, патриархи, святые и прочий люд, присвоивший себе эти ти- тулы посредством низкого, под- лого и подхалимского своего окружения. Христианство в своё время, разросшееся до не- имо- верных размеров, вначале разделилось на два клана – Римскую и Византийскую: потом стали

почковаться чуть по-мельче, а те в свою очередь ещё, и так до мельчайших сект в несколько человек. А ведь всё начиналось с малюсенькой секты, о которой и говорить, тогда не стоило. То же самое произошло и с исламом. Минули столетия, на смену пришли политические партии, и вновь та же картина. Во всё это верят люди недалёкие, никчёмные, верящие в земной рай, которо-го в принципе не может быть исходя из сущности самого человека. Я не отношусь к глупым людям, я индивидуалист в чистейшем его виде, и противник стада: пусть даже в своём отдельном кабинете за колючей проволокой, среди зеков, но в душе я свободен и смотрю на всё это как бы со стороны. Почему со стороны? Да потому что, то, что за колючкой, оно вычеркнуто из жизни общества, его как-бы и нет совсем. Там само время течёт иначе: для всех по ту сторону забора оно бежит торопливо, там, в зоне ползёт по-черепашьи. Лишь в одном равными остаются те и другие – перед прошлым, которого никому уже не изменить. Я вот недавно изучал один период в становлении большевицкой партии дошёл до одного момента – покупка большой партии оружия для революции; и так получилось, что след меня привёл, – знаешь куда? В Канны, на Савву Морозова, российского миллионера. Скажи, тебе хоть что-нибудь известно об этом?

– Уволь Василий, это всё было задолго до меня, когда я только в начальную гимназию поступил. В тех краях, о которых ты говоришь, я там был уже в конце двадцатых начала тридцатых годов. Скажу тебе наперёд, упреждая твоё любопытство: если это не желательно знать широкому кругу людей, то всех подробностей тебе не узнать никогда. Если кто о том и знает, будет молчать до самой своей кончины. Пожаль, если порыться в моей биографии, несомненно, можно отыскать подобные скрытые сюжеты, которые очень интересуют людей подобных тебе. К сожалению, о многом в своё время я давал подписку о неразглашении, но данный твой вопрос никоим боком ко мне лично не относится, но даже спустя столько времени с тех пор – слухи, несомненно, были. Как говорят, слухи не достоверные факты, но если они свежие, времени прошло немного, то в них обязательно присутствует доля истины, а порой и достоверные факты, которые со временем потом стираются в памяти общества.

– Что же за слухи? Или уже не помнишь?

– Отчего же? То о чём говорят долгое время по-за углами, друг другу на ушко, то хорошо потом запоминается.

– И о чём говорили?

– Морозов перед всем этим большую сумму денег чеком перевёл на свою любовницу Марию Андрееву: разговор был о ста тысячах рублей, по тому времени сумма огромная, но в чеке в том была одна заковыка – получить деньги можно было лишь после смерти дарителя. А партии срочно были нужны деньги на закупку оружия, отсюда делай вывод сам. Мария большую часть денег отдала Ленину, но и себя не обделила: оружие так или иначе было куплено. В день убийства – гувернантка и жена Саввы в окно видели, после того как прогремел выстрел в номере гостиницы как будто бы двое убежали, а потом скрылись в ближайшей роще, по обличию обе признали в нём Леонида Красина и второй, кажется, был. За день до этого они посещали Морозова в номере.

– Скажи дед, как думаешь, почему столь долгое время Морозов помогал большевикам? Миллионер, мануфактурщик, заводчик и прочей собственности, и вдруг сам – против себя? Как-то противоестественно.

– Чужая душа – потёмки. Может, от чрезмерного богатства барская прихоть. Но думаю, что там присутствовало и что-то другое. Боялся он своего богатства: глубоко в душе боялся, сам себе в том не признаваясь. Оно его тяготило, в кандалах постоянно держало, страшило, а избавиться мочи не было; да и у кого бы она нашлась эта мочь? Человек – существо корыстное, это пока у тебя его нет этого богатства ты герой – всё бы раздал, а появишься оно, совсем другую бы песню запел. С рабочими добреньким постоянно был, недаром, когда хоронили, так все сошлись, десятки тысяч пришло – царей лишь подобным образом хоронят. Большевики,

види- мо случайно на него вышли, не пригласил же он их сам; по- том пошло-поехало. Мой тебе совет – брось ты это тёмное грязное дело. Чрезмерное любопытство в таких делах никогда ничего хорошего не приносило. Может, твоя карьера по службе и шла потому со скрипом, что много хотел знать – больше чем положено, больше своих начальников. Начальство не любит особо умных подчинённых рядом с собой держать – опасно, можешь место его занять. Я вот не глуп был, потому всю жизнь по границам меня и кидало; вся жизнь там прошла – подальше держали. И польза большая, и лавры удачи приписать себе можно...

Сейчас, размышляя после разговора с заключённым Фёдором Раскольниковым, давний разговор с дедом во всех подробностях всплыл в памяти. Разговор с заключённым ровным счётом ничего не прояснил: парень от волнения пу- тался, говорил невпопад, боясь, что вызвали его для наказания за какой-то поклёп, ему было не до рассуждений и воспоминаний. Для себя Забелин уяснил из разговора, что тот, скорее всего ничего конкретного не знает; а раз не знает, то

это даже лучше – пусть и дальше живёт в неведении. Когда за Фёдором закрылась дверь, Забелин подумал, что в профиль, что-то есть напоминающее сходство с тем мичманом Раскольниковым в профиль. Если долго смотреть, не мигая на какой-то предмет, то может показаться всё что угодно...

* * *

На исходе шёл второй год, как Фёдор возглавлял бригаду строителей «шабашников», так их называли местные жители, хотя, по сути, они ими не являлись, потому как были подневольные. Строили для овец жильё – кошары, которые не-обходимы были в зимнее время, когда стоит мороз и дует пронизывающий ветер. Разброс строительства оказался большим: от степных просторов юго-восточной части Ростовской области до Калмыкии.

В один из дней, оставив командовать бригадой Владимира Чижикова – по кличке Бекас, в помощь ему определил его подельника и друга Алексея Пасюка – Ляву, Фёдор, одевшись во всё, что было самое у него лучшее, отправился в Сальск, с намерением повидаться и поговорить с Абдулой. Внешний вид у него теперь был иным: за отпущенной бородой, он тщательно следил, сделав её овальной, усы на верхних скулах сходились с бородой, и теперь он выглядел больше, как истинный мусульманин Ближневосточного разлива. Намерения у Фёдора были крайне, радикальны, попытаться выклянчить деньги у своего непосредственного начальника Абдулы, ну а затем уехать – куда глаза глядят; может быть даже домой в Уфу. Глубоко в душе во всю эту затею верилось мало, но та жизнь, которой он жил последние почти два года его никак не устраивала. Работы, как таковой, в начале своего жизненного пути он не чурался: работать любил, проявлял интерес во всех деталях и мелочах, тяжесть заключалась

совсем в ином, – никчёмности самого существования. Может быть, именно эти обстоятельства сильно повлияют на его характер, как и отношение ко всем окружающим его людям. Будучи подневольным прозябая, ночами одолевали демоны мужских желаний: душевная тоска, непонятно откуда подкраившаяся, не давала долго уснуть, навевала воспоминания из, теперь уже казавшейся, далёкой юности, ощущение, что ты уже старый и жизнь твоя на исходе, с каждым днём укреплялось в сознании всё прочнее. Если бы жизнь их проходила где-то в густонаселённом месте, то тогда возможно, соблазняясь людскими пороками, в какой-то мере удовлетворяя их, вся та обстановка, в которой они находились, не казалась бы столь отчаянной. Но кругом простиралась непри-ветливая голая степь: палатка или вагончик чабанов, небольшой косяк лошадей, да постоянно блеющие овцы, которм-то и счёта никто не знал. Построив где-нибудь у водоёма сарай, а то и два тут же переезжали на новое место, которое от прежней стоянки ничем не отличалось. Несколько дней Фёдор обдумывал, ни с кем не советуясь, своё положение, пока, наконец, не решил: даже если Абдула не отдаст денег и справку об освобождении,

дени из колонии, назло всему свету свалит он, а там будь, что будет. Прибыв в город, Фёдор узнал у Джафара, что Абдулы в городе нет, и когда будет, об этом никто не знает. Жил Фёдор все эти дни в том же здании, где находился кабинет Абдулы, куда их приводили в первый день прибытия; там имелась комната с кроватями, куда и поселил Джафар паломника, как он назвал Фёдора. Питаться ходил в соседнюю столовую на территории предприятия, где каждый раз предъявлял талон выданный Джафаром. Шёл четвёртый день ожидания: сидя возле кабинета, утром предупреждённый, что Абдула в городе, Фёдор от нетерпения ёрзал на лавке в ожидании предстоящего разговора. Когда он неожиданно увидел идущего по коридору Абдулу, его даже немного знобить стало. Абдула шёл в развал-

ку, как обычно ходят чрезмерно полные люди, не доходя до сидевшего на лавке Фёдора, сузил и до того свои узкие глаза, после чего они превратились в узкие щели, кривя набок рот улыбнулся, что вселило уверенности в душе Фёдора, сказал:

– О-о-о Федот?! Каким ветром занесло? Случилось что? Не дожидаясь ответа – а Фёдор пока что продолжал хра-

нить молчание – открыл кабинет ключом, открыл дверь нараспашку, двинулся своим грузным телом вглубь кабинета и, не поворачиваясь, добавил, – заходи дорогой, гостем будешь, заодно расскажешь всё. Неторопливо раздеваясь, аккуратно вешая в шкаф вещи, он продолжал говорить: – Вот сейчас я вижу в тебе достойного правоверного мусульманина, ну говори, что привело тебя ко мне? Мне сказали, что ты уже четвёртый день меня ожидаешь.

– К матери надо съездить, три года не был дома. Как насчёт этого?

– Мать, есть мать – забывать нельзя. А ты как? Туда и обратно, или насовсем?

– Как получится. Паспорта-то нет; по дороге пять раз посадить могут... Абдула, паспорт сможешь сделать?

– Паспорт говоришь? Паспорт – это сложно... для тебя лично. Ты его должен был получить дома ещё два года тому назад, а здесь, чтоб получить? Это не так просто... это денег стоит.

– Я же два года пахал, неужели не заработал? На руки копейки выдавали, говорили, что в конце расчёт получим.

– Почему говоришь, – не заработал? Заработал; мне чужого не надо, всё что заработал – получишь.

С этими словами он крутнулся в своём кресле, очутившись спиной к Фёдору, открыл ключом дверцу сейфа и достал вначале оттуда папку, долго развязывал на ней тесёмки, затем порывшись в ней, положил на стол перед собой ту злополучную справку. С первого взгляда распознав в листке свой основной в этой жизни документ, Фёдор подумал, что

скоро при виде этой справки его будет тошнить. Повернувшись вновь вместе с креслом к сейфу и обратно, Абдула выложил на стол две пачки денег в банковской упаковке: по цвету рисунка на деньгах, Фёдор издали определил, что деньги в десяти рублёвых купюрах. Мысленно забега наперёд, и еще не зная, зачем Абдула выложил на стол эти пачки денег, тут же подумал, получается, что там две тысячи рублей, новеньких, недавно из банка. Когда Абдула переложил деньги, водрузив их на справку, мысли у Фёдора заработали иначе, теперь оставалось ждать, что он скажет.

– Я Федот, говорил тебе тогда, что не обижу, потому слово держу. Вот твоя справка, вот две штуки за труды.

– Это за все два года? – безнадёжно и удивлённо, спросил Фёдор.

– А ты как думал, за месяц? Вы мне не дёшево достаетесь. Вас вози, корми, жильё вам давай, обогревай вас – к тому же; за вас милиции плати, иначе недолго бы тут задержались. Одной баранины посчитай, сколько ты один съел за два года? Туда добавь сигареты, водку, да всего и не перечислить...

– На любом заводе или стройке работают по восемь часов с двумя выходными, а не так, как мы – световой день и без выходных. Там за год не менее трёх тысяч зарплата составляет, получается, что мне ты выплачиваешь в три раза меньше, чем на том же заводе.

– Так то же завод! А кто, скажи мне, тебя туда возьмёт?

Усмотрев на лице Абдулы багряные пятна, что говорило о его крайнем раздражении, Фёдор тут же сменил тему, во- время остановив себя в споре, ибо понял, что этим он сделает себе лишь хуже, может так всё получиться, что он и того не получит.

– По дороге: в такую даль, без документов, мусора – как пить дать обдерут так, что и матери, подарок не за что будет купить, – сказал Фёдор спокойным голосом.

– Зачем ждать пока оберут – подарок сейчас и купи, кто мешает? Ну, а паспорт?

Взглянул на стопку, лежащих на столе денег, кивнул на них головой, после чего сказал:

– Этих не хватит на паспорт; милиция у нас жадная, напрасно рисковать не любят.

В наших краях Федот, тебе не положено выдавать паспорт; ты должен был явиться туда, куда в справке указано, притом ты срок не досидел, а значит поднадзорный, считай условный он у тебя, пока срок не истечёт. На сегодняшний день Федот, получается, что ты в бегах, а значит вне закона. Я и так с тобой по доброму, мог бы сдать тебя и забыть; а там – этап или что иное, мне как-то без разницы, что у них там предусмотрено в таких случаях? Мой тебе совет: деньги у тебя будут и немалые, скажу тебе прямо, потому ездь домой транзитом, нигде не задерживаясь, с деньгами это вполне можно сделать. Нигде не тормози, ни с кем в контакты не входи, добирайся до дома, а там уже среди родных стен и вольным по праву станешь. Вот если бы была у тебя фамилия башкирская или, к примеру, татарская, уже не говоря о казахской, я бы без натуги сделал тебе паспорт. С русской фамилией не могу – уволь!

– Так перекрести меня в таком случае, поеду татариндомой или казахом.

– Не-е-е, этот вариант ещё хуже; хоть я и продолжаю симпатию к тебе проявлять, но лукавить не буду: если бы вы не засветились в милиции в Ростове, а прямым ходом были сразу ко мне, тогда бы можно было подумать об этом. Лучше бы ты взял фамилию матери. Ты себя как считаешь – правоверным, а?

– Как-то до этого не задумывался над этим, в школе больше в коммунизм верили: на собрания комсомольские ходили, на демонстрацию в город возили, ну и прочей дребеденью кормили.

– Вот правильно говоришь – дребеденью. Коммунизм – это не религия, подобных утопий на земле сотни напридумывали. Религия одна верная – наша, потому и названа правоверной. Бог один – Аллах. Бога никто никогда не видел; а раз не видел, как, скажи нарисовать его можно? Мухаммед не бог – он пророк, вознёсшийся на небеса, а ислам – это, прежде всего поклонность, которую в тебе я наблюдаю, потому и уважение от меня имеешь. Пророк наш Мухаммед жил на одном месте – в Мекке. А Христос – объявленный ими богом, или сыном божьим, что одно, и тоже, был обычным монахом, который бродил по свету. Слушай Федот, – Абдула резко сменил тему своего разговора, – может быть я ещё и не полностью оплатил твою работу, ты прибыл неожиданно, это всё надо подсчитать, считай это за аванс, как бы на дорогу. Вернёшься – рассчитаешься по полной. Джафар сказал, что вместо себя ты оставил этого Бекаса; как думаешь, справится?

– Справится, что не будет получаться, кулаками доделает – это он умеет.

– Вот и хорошо. Не будет справляться, у нас найдётся человек его заменить. Когда думаешь отправляться?

– Да хоть сейчас, там осталось тряпьё не тащить же его за собой, что на мне – то и моё богатство.

– Не скажи. Одежда не главное богатство – душа главная. Мне уже в город отправляться надо, неделю не был дома, дел скопилось, потому желаю счастливого пути. Возвращайся,

будем ждать. Приедешь, определю тебя к Джафару в подручные, на стройке и без тебя спрячешься.

Направляясь к проходной, путля в лабиринтах производственных корпусов, Фёдор шёл под впечатлением состоявшегося с Абдулой разговора. Детально перебирая и оценивая мысленно, про себя сказал: – легко стелешь и обещаешь кормишь – на финале облом! Ладно – хоть это дал. К тому же немалая сумма денег. Мог бы совсем – пустым выпроводить. Скорей всего, рано или поздно, это случится с моими случай-

ными попутчиками, с которыми на время свела меня судьба. – Который раз вспомнилась Рая, – и всё-таки, ради чистых документов стоило было тормознуть в Москве, – сказал он сам себе и вышел за проходную предприятия. Во внутреннем кармане пиджака приятной тяжестью на грудь давила пачка денег, вначале немного изъятая в сотню рублей рукой Фёдора, затем плотно замотанная в носовой платок. Деньги грели, вселяли внутреннюю уверенность, вносили в душу радость, обещая в ближайшем будущем, что-то иное, недозволенное прежде, удовлетворение скрытых демонов желаний. Для современного читателя – сумма в две тысячи рублей ни о чём не говорит. В годы начала семидесятых – Фёдор с этими деньгами, при условии – не шиковать и расходовать средства лишь по необходимости экономя на всём – мог бы объехать всю страну вдоль и поперёк; посещая города, живя в гостиницах невысокого класса, что имело бы небольшую проблему с паспортом. Но в другом случае, можно было, пересаживаясь с поезда на поезд всё время находиться в движении, тогда бы и гостиницы не потребовались. Одевшись в любом городе в модном ателье, имея респектабельный внешний вид, не имея в кармане паспорта – никому бы и в голову не пришло спросить у него документы: покупая билет на самолёт или поезд – предъявление паспорта не требовалось. Билеты на поезда стоили смешные деньги: от Ростова-на-Дону до Москвы в общем плацкартном вагоне на обычном пассажирском поезде ехать пришлось бы долго, потому как останавливался на каждой станции, но так и билет стоил всего шесть рублей. Вышло, что на свои деньги, грубо говоря, Фёдор мог сто пятьдесят раз съездить в Москву и обратно в Ростов.

Иными словами говоря, мог бы этак годика четыре совсем не вылезать из вагона, а кататься по стране. Выскочив на платформу любой очередной станции, тут же купив кучу горячих пирожков в цене от трёх до пяти копеек, запить их полноценным из натурального молока кефиром любой жир-

ности, или лимонадом по вкусу и своему внутреннему содержанию в современное время – равных ему – вряд ли найти. Цена содержимого в самой бутылке была в два, а то и в три раза ниже, чем стоимость самой бутылки. Подобрал на обочине дороги пустую бутылку, дошёл до ближайшего продовольственного магазина, сдал её, взамен взял булку белого хлеба. Бутылка пива стоила тридцать пять копеек: сама бутылка – двадцать, пиво пятнадцать копеек. Теперь читатель имеет представление, что такое две тысячи рублей.

Главным условием – это внешний вид, в чём и как ты одет. Может быть, лишь на пространных России жива и процветает поговорка: встречают по одежке – провожают по уму. Но вопреки этой поговорке очень часто оказывалось так, что встретив человека по одежке, пока разбирался в его умственных способностях, тот оказался куда сообразительней тебя. А когда он вдруг исчез из твоего поля зрения также неожиданно, как и появился, ты вдруг обнаружил, что вместе с ним исчез твой портмоне с деньгами и документами, и чемодан с вещами, вот – минутой назад лежащий перед глазами на верхней полке, и вдруг тоже куда-то делся. К великому огорчению пострадавшего случайный попутчик оказался всесторонне развитым в области мышления, ибо у подобных типов в его изворотливом мозгу было просчитано всё поминутно, а расписание всех поездов и междугородних электричек хранилось в памяти, как отченок. Пока милиция разбиралась и скрупулезно писала протоколы, гастролёр ехал уже тем временем совсем в другом поезде и в обратном направлении. Милиция была всегда заиклена на тех, кто явно внушал подозрение, а как можно в чём-то заподозрить гра-

жданина, у которого на лацкане пиджака сияет перламутром ромбик о высшем образовании: в шикарном костюме, в белой накрахмаленной сорочке и в модном галстуке. Или со скрипкой в чехле и чёрной бабочкой вместо галстука, а то и в полковничьих погонах, с широкой планкой на груди, которая

говорила о многих наградах орденов и медалей. Пассажирские вагоны любых направлений кишели подобными элементами – учениками знаменитого Остапа Бендера. Картёжные шулеры и воры всяких мастей и профиля. Видные – по мужской части – альфонсы, отыскивающие очередную жертву среди пассажиров: бедную, несчастную, обделённую мужской любовью женщину бальзаковского возраста, для того, чтобы впарить ей лахудре в мозги эфемерную влюблённость, попасть к ней на ночь в квартиру или в частный дом, выгрести из нехитрой записочки её золотые серьги и кольца с цепочками; а утром, когда та ещё досматривает сны и приятно – от содержания их и впечатления – улыбается, он уже катит в поезде, приглядывая новую дурочку.

Со стороны женской половины общества недостатка в этом экстремальном занятии тоже не наблюдалось, потому как существовала целая плеяда проституток, в сумочках которых имелось безотказное средство для мужчин – снотворный порошок. Очнувшись на полке вагона: с гудением в голове, тяжёлым предчувствием недоброго, порой не то что денег, документов и вещей не обнаруживал бедолага, а и костюма как такового; теперь выходи на перрон в трусах и в майке. Вышагивающих по проходам поездов солидных мужчин с портфелями на двух застёжках под крокодиловую кожу, или с дипломатами в руке, а если ещё и в сопровождении брюнетки в шикарном наряде и смазливой мордочкой, на всех глазах действовало безотказно. Потому имея столь немалую сумму денег в кармане, Фёдор обрекал себя на непредвиденные опасности: ухо держать требовалось остро, а то ненароком можно и под откос случайно выпасть из поезда.

Из Сальска поезд Фёдора доставил на тот же пригородный Ростовский вокзал, откуда они когда-то, втроём намеривались уехать в степи. Выйдя на первый перрон из поезда, напротив как раз и входные двери в вокзал оказались. На память пришло, что тогда они так туда и не добрались —

милиция воспрепятствовала; появилось желание – войти и посмотреть. Казалось, чего ты там не видел? Вокзал как вокзал, каких в каждом городе по два имеются: иди туда куда требуется – на Главный вокзал, бери билет и скорее езжай в родные края. Но в настоящее время, Фёдор был уже не тот Федот, что два года тому назад: модная одежда на нём, которую он себе приобрёл, заказав в ателье в Сальске ещё год назад. На голове фетровая шляпа, которую он ценил пуще всего: бережно к ней относился, в душе даже гордился, имея столь ценную вещь, ибо досталась она ему не дёшево, была произведена на свет в Польше, и являлась острейшим дефицитом. На кистях рук, в обтяжку до скрежета кожи были надеты добротные перчатки, сейчас он подумывал над тем, как найти ближайший магазин «Галантерея» и приобрести для солидности, и в тоже время для всякой мелочёвки в дороге – дипломат или, на крайний случай портфель. Проходя по залу ожидания на первом этаже вокзала между рядами лавочек, где сидел народ, Фёдор боковым зрением видел, что его провожают многочисленные взгляды сидящих. Значит, подумал он, не такой я и никчёмный, раз обращают на меня внимание.

На память ярко пришли те дни, когда вышли за ворота колонии: то гадостное в душе ощущение безденежья, одиночества в компании не совсем приятных личностей, неизвестности и неопределённости ближайшего будущего и самой цели своего существования. Сейчас душа играла от свободы и независимости – от кого бы то ни было: хотелось петь и смеяться, шутить и веселиться, а больше всего желалось завести себе подругу, такую – чтобы она на край света за тобою пошла. Не спеша, прогуливаясь по залу, подошёл к кассам, где толпился народ; обратил внимание на странный аппарат, которого он раньше не видел. Женщина, стоявшая возле него, нажимала на клавиши, после чего на табло листались продолговатые страницы,

останавливаясь в нужном тебе месте, где излагается информация расписания всех поездов. Когда женщина

удовлетворила, наконец, своё любопытство, Фёдор стал на её место и принялся листать страницы расписаний; поначалу ради интереса, затем стал изучать те маршруты, которые вели в сторону его дома. Железнодорожные вокзалы страны Советов были в те времена многолюдны, потому как ездили все в основном на поездах, ну и не менее криминальны, чем сами поезда, с одной лишь разницей, что на вокзалах орудовала более мелкая шантрапа, хотя как говорят – клоп мелкая тварь да больно кусается. Могли в туалете обобрать до нитки, окажешь сопротивление – ножом пырнут; могли заманить в укромное место и сделать то, что и в туалете. Сейчас стоя перед автоматическим табло, он листал нажатием клавиши, выбирая маршрут и поезд, на котором он отправится дальше. Сейчас он мог, наконец, за последние три года позволить себе многое: ехать – куда вздумается вплоть до самого Владивостока; закрутить роман со смазливой девчонкой, пригласив её в ресторан, а потом – как сложится. Да мало ли, что можно сделать, когда у тебя в кармане годовая зарплата и она жжёт карман, а рука так и тянется пощупать – на месте ли пачки? Давно известно, что деньги – это зло в человеческой жизни и в обществе в целом. Но в тоже время, полное отсутствие денежных знаков, в особенности, если это продолжается длительное время, делает человека униженным и слабым; на почве чего он начинает деградировать – как личность, как и на чрезмерном их достатке. Столько денег у Фёдора было впервые в жизни, и устоять перед соблазном открывающихся разносторонних возможностей в его молодые годы вряд ли у кого хватило бы силы воли. Он так увлёкся листанием страниц на табло, что не заметил, когда рядом с ним возникла фигура молодого человека, который немного постояв, сбоку, разглядывая Фёдора, затем обратился к нему на татарском языке, при звуке которого Фёдор вначале вздрогнул, затем резко повернулся к парню. Фёдор в совершенстве владел не только родным башкирским, но и мало чем от него отличавшимся татарским: в школе препода-

вали оба языка, так как учащихся по национальности было почти поровну, третьим основным языком преподавался русский, по которому он имел отличные оценки. Фёдор поприветствовал обратившегося к нему парня на татарском языке, с любопытством одновременно разглядывая того. Родной язык слышать доводилось давно, пожалуй, ещё с колонии; потому встреча с соплеменником, а может даже с земляком перемешала все мысли в голове. Новый знакомый представился Русланом, если и не местным жителем то, по крайней мере, живущим, как он объяснил, почти рядом с Ростовом, а если быть точнее – в станице Кущёвской, в которой татарского населения живёт – пруд пруди. Сюда – на, Ростовский «Бан» он приезжает часто, – сказал Руслан, – к тому же, здесь много у него друзей-корешей. Всё схвачено, и если что, то ссылайся на меня – ни одна, падла, не тронет. Узнав, что Фёдор держит путь к себе на родину, Руслан предложил для начала побывать в гостях у них в Кущёвской. Случайную встречу, в конце концов, решили отметить – в противном случае – будет как-то не людски. По возрасту, они были ровесники; к тому же Фёдору Руслан понравился с первых минут общения, что крайне редко случалось в его жизни. В душе его боролось два чувства: не хотелось менять ранее намеченные планы, но и быстро расставаться с новым знакомым желанием не было; а если и расставаться, то надо отметить – заодно как встречу, так и расставание. В зале ожидания стоял гул от людских голосов создавая акустический звук под высокими потолками помещения, от которого уши закладывало и каждое слово, для того чтобы тебя услышал собеседник приходилось не говорить а кричать. Фёдор спросил о месте более спокойном, где можно было бы посидеть за столиком и поговорить по душам, на что Руслан, как-то неловко улыбнувшись, будто через силу, ошалело оглянулся вокруг себя, и равнодушно сказал:

– Посидеть-то масса мест имеется да бабки для этого нужны. Если хочешь, пойдём в сквер за Темерничку, там ла-

вочки, там и поговорим. Я, к сожалению пустой, копейки только в кармане.

– Руслан, поверь – хотя я и имею на сегодняшний день статус «Бича», но таковым себя не считаю, потому предлагаю пойти в нормальный ресторан. Есть такой где-нибудь поблизости?

– Если настолько богатый, то можно пойти на Главный вокзал, здесь рядом и ресторан клёвый, там и народу много не бывает.

– Тогда потопали – веди, а то я здесь хоть и был, но так ни- чего и не успел узнать толком, мусора нечаянно подгребли.

Удивительная вещь судьбы человеческие: одна, какая-то случайная встреча на пути жизни, может круто повернуть всё вспять, уже казалось основательно утвердившееся намерения и цели – взять и пустить всё совсем по другому руслу. В те периоды жизни, когда от эйфории нахлынувших чувств желаешь и ждёшь очень многого – в лучшем случае получишь то, чего не ждал, в худшем – совсем ничего, или новое приключение на своё заднее место. Что-то подобное произошло и у Фёдора; вновь на том же, словно заколдованном месте – пригородном вокзале города Ростова, второй раз подряд судьба его круто меняется впервые минуты пребывания в этом месте. В ресторане засиделись новоявленные друзья до самого закрытия. На последнюю электричку до Кущёвской – в двери её вагона запрыгнули в последнюю минуту, после чего двери захлопнулись за их спинами, и тут же электричка отправилась. На станцию Кущёвка электропоезд прибыл уже почти под утро, когда вся станица спала, досматривая предутренние сладкие сны. Конечная станция Кущёвка встретила их пустыми платформами, как и самим казалось, лишь сержант милиции из линейного отдела, крутя в руке резиновую дубинку, прохаживался вдоль остановившейся электрички. Зорко, холодным взглядом он посмотрел на Фёдора, а когда ребята проходили мимо него, казалось,

что уже дёрнулся, было – остановить незнакомца. . . Сержант служил на вокзале не первый год и давно изучил всех ездивших на электричке туда-сюда жителей станиц и хуторов в лицо; но, на этот раз Руслан не дал исполнить задуманное, первым проходя, на ходу сунул свою ладонь для приветствия, сказал при этом:

– Здоров Серёга, чё не спишься? А мы с дружкой позднились немного, представляешь? на последнюю всего за минуту успели: вся ночь наперекосяк, и поспать теперь некогда, пошли Федот скорее, хоть пару часиков вздремнём. . .

Сержант пожал плечами в недоумении, роясь в мозгу и вспоминая: – что это за Федот, которого раньше ему не приходилось видеть? Так ничего не вспомнив, с досады сплюнул, метя под вагон, обернулся и направился к себе в дежурку досыпать утренние часы. Руслан повёл своего нового друга к себе домой. Идти было не так далеко: ибо родительский дом находился в полукилометре от вокзала, потому спустя полчаса оба уже спали. Утром Фёдор проснулся по давней – заведённой ещё со стройки привычке раньше всех: в доме стояла тишина. Решил пока что не вставать с кровати, чтобы ненароком кого не разбудить: лежал, прислушивался, думал. В доме – глубоко втянув ноздрями воздух – учуял, какой-то до боли в мозгу знакомый запах. Пахло чем-то, что напоминало детство и саму мать. Под ложечкой как-то нехорошо запекло, на душу навалилась подавленность, а вслед за ним незаметно подкрававшееся одиночество. Ибо роднее дома своего – где бы он ни был, всегда будут в памяти самые приятные воспоминания: извлечь, стереть с памяти это не по силам ни времени, ни обстоятельствам, даже если они будут для тебя благоприятными. По детально вспомнив вчерашний день и вечер, укорил себя за безрассудство, задав себе вопрос: – собственно, что я забыл в этой так называемой станице, которая чем-то очень напоминает мне тот захолустный Сальск? Катил бы уже сейчас в сторону родных краёв, и забот меньше бы было. Фёдор не

знал ещё в ту минуту размышления, что однажды, даже случайно попав в Кущёвскую, выбраться отсюда ему будет не просто – место такое – будто заколдованное: давно замечено многими и многими, на своём житейском опыте испытывавшие этот феномен станицы. Как гово-

рили некоторые, приехав сю- да в первый раз, после будешь десять раз уезжать отсюда, а судьба тебя вновь и вновь будет возвращать на прежнее ме- сто – прямо колдовство какое-то!

В доме стали просыпаться домочадцы: прошмыгнул в од- них трусах спеша по нужде мальчуган, видимо меньший брат Руслана, за ним, в одной ночной сорочке проследовала чер- нявая девица; проходя мимо, удивлённо взглянула в сторону Фёдора, пожалала плечами и пошла своей дорогой. Это, скорее всего сестра, – подумал наш незванный гость. В дальней сторо- не дома слышались возбуждённые голоса, говорившие по- рой грубо, о чём-то спо- рили, упрекали; до слуха Фёдора доле- тали слова: «пьяница...», «работа...», «когда это кон- чится...», и даже слово – «тюрьма...». Ностальгические воспоминания по родному дому тут же вылетели из головы Фёдора, теперь все мысли его были: как незаметно, быстро одеться и исчез- нуть за порог дома. Недолго думая, откинул в сторону одеяло, стал в спешке натягивать на себя одежду; уже направляясь к выхо- ду, по пути минуя кухню, в которой собрались члены семьи, увидев его – все разом – примолкли. Руслан запыхавшись, догнал Фёдора уже вдали от дома, когда тот вышагивал по улице в направлении южной окраины станицы.

– Фёдор, – крикнул он, догоняя его, – куда тебя хрен несёт? Куда ты чешешь? там вообще ничего нет. Да остановись ты хоть на минуту! Пошли назад, чайку крепенького зава- рим, с бодуна ничтяк поправимся, а? Ну, стой же ты! Родителей моих испу- гался? Так их хлебом не корми, дай нотацию почитать.

– Нет, Руслан, не обижайся, но назад я не пойду, не хочу, чтобы из-за меня скандалы происходили. Видно не ко двору гостем я оказался. А репутация Руслан у тебя в семье — дрянь! Чем же ты их так допёк, что они с раннего утра так за тебя взялись? Ладно, раз не туда, – говоришь, иду, – скажи в какой стороне вокзал?

– В обратной стороне – пошли назад. Не хочешь идти ко мне домой, иди на вокзал, жди меня там, я зайду одеться домой, через минуту буду, а там решим, куда и что. Лады Фёдор?

– Хорошо, подожду тебя на вокзале, но предупреждаю, что если сейчас будет, чем уехать, не в обиду – уеду.

Уже удаляясь по улице в сторону вокзала, он несколько раз обернулся, смотрел всё по сто- ронам, как бы сомневаясь в пра- вильности пути, и когда увидел в промежутке крыш сам вокзал, зашагал уверенней. Вокзал встретил Фёдора пустыми перро- нами; в зале ожидания сидело всего несколько человек, ожи- дая своего поезда, да на площади, у автобусной оста- новки стояла кучка народу. Внешний вид Фёдора подозрений вряд ли вызывал, а вот само поведение настораживало: как он смотрит вокруг себя, сама его походка, резкие движения – желали бы иного; собственно то, что делает в глазах наблюдателя, осо- бенно если это предста- витель правоохранительных органов, явно подозрительной личностью. Выходя из-за угла вок- зала, он, как на грех, нос к носу столкнулся с милиционером, кото- рый, обернувшись, посмот- рел Фёдору в след, и пошёл к две- рям линейного пункта милиции. Фёдор успел отметить, что это не тот сержант, который встречал ночью их электричку: тот был полный, круглолицый, а этот – во-первых, с двумя лычками, во- вторых – худой и длинный. Скорым шагом Фёдор вошёл в зал ожидания, прошёл подальше от входа и сел на скамью лицом к окну, с которого хорошо просматривалась вся площадь. Здесь он и собирался дожидаться Руслана. Неожиданно кто-то легонь- ко постучал его по плечу, повернув голову, увидел стоявшего рядом того самого младшего сержанта.

– Молодой человек, – обратился тот уважительно к Фё- дору, – вы меня заранее извините, если я вдруг ошибаюсь,

но в последнее время на нашем участке дороги сложилась не совсем благоприятная кри- минальная обстановка. И вы гражданин, как бы не очень внушаете у меня доверие, пото- му позвольте узнать, куда путь держите? Судя по вашему об- лику, если мне память не изменяет, ранее в наших краях вы не появлялись.

– Я в гости сюда приехал к другу, сейчас вот жду его, должен сейчас подойти с минуты на минуту, – ответил Фёдор.

– К другу говорите? К другу – это хорошо, а позвольте узнать, с каких краёв, ибо вы выглядите как-то не по местным обычаям?

– Из Татарской республики приехал, что в этом необычного?

– Издалека. Нет, что вы! В этом плане всё нормально, в нашей станице татарского населения проживает довольно много. Это не о вас ли сегодня утром мой сменщик начальству докладывал? С Русланом вы прибыли на Ростовской электричке, так?

– Ну да, с ним.

– Тогда гражданин, позвольте предъявить документы. Ваш так называемый друг Руслан, у нас большого доверия не вызывает, а как говорят, с кем поведёшься... ну вы, я думаю, знаете о чём там дальше говорится.

Фёдор достал справку и подал милиционеру, при этом храня молчание.

– Так я и предполагал, – сказал младший сержант, улыбаясь, видимо довольствуясь тем, что интуиция его не подвела,

– справка, да ещё и выдана при царе горохе. Интересно, где можно было столько пропадать, что не соизволить за два года, получить паспорт? Ну, это уже не моя компетенция, так что, придётся проследовать за мной в отделение к начальству. Следуя за милиционером: поникший, опустив голову, Фёдор шёл и думал, что напрасно не следовал наставлениям Абдулы, тот наперёд знал, что меня ожидает – вывезла не-

лёгкая снова на путь кривизны и буераков, удастся ли теперь выпутаться?

Кабинет линейного отделения милиции представлял собой тесную комнатку больше похожую на чулан для ведер и тряпок уборщицы; за столом, с изгрызенными углами и са-мой крышкой стола, отчего казалось, что он древний, сидел капитан, который взглянув на Фёдора, кивком головы указал на стул. Взял из рук сержанта справку, стал изучать, вероятно, перечитывая вновь и вновь, наконец, отложил её в сторону, удовлетворённо вздохнул, будто выполнил непосильную работу, сощурился, спросил:

– Фамилию никак на зоне сменил? По облику, вроде бы – татарин, а фамилия и имя русские?

– Кто бы её мне сменил? Отец у меня русский был, – сказал Фёдор, хмуро глядя на капитана, безнадежно упавшим голосом.

– Странно, – продолжил капитан, – изучая твою справку: и статья у тебя не совсем безобидная, и срок почему-то маленький отсидел в колонии, и под амнистию поднырнул... слушай Раскольников, как это тебе удалось? Если не секрет, конечно.

– Не я списки составлял, может за хорошую работу, откуда я знаю? Не сбежал же я из колонии, а по закону выпустили.

– По закону-то, по закону, но два года – срок великий, за это время за тобой может столько дел накопиться, что следователям на год работы хватит, так что, как не крути, придётся тебе у нас пожить какое-то время на казённых харчах.

После этого он стал звонить по телефону: позвонил вначале в райотдел, затем доложил своему начальству на станцию Кавказская.

– Посиди здесь немного, сейчас за тобой приедут.

В это время приоткрылась дверь в кабинете, просунулась голова Руслана, который громко выкрикнул:

– Федот, а я тебя ищу, чего ты тут расселся? Петрович, вы чё повязали моего гостя?

– Заходи Руслан, гостем будешь. На ловца и зверь бежит. Мне ты, кстати, тоже нужен, вопросы к тебе возникли, и разговор неотлагательный подпирает. То глаза с утра до вечера тут мозолишь, то пропадаешь неделями где-то.

Руслан вошёл, закрыв дверь, уселся на стул чуть в стороне, приготовившись слушать, лишь спросил:

– Что за вопросы командир?

– Ты этого человека давно знаешь? – кивнул головой в сторону Фёдора.

– В гости ко мне приехал – родственник, из родимой Тарии прибыл, хотя я и крымский.

– Пряма таки родственник? А фамилия его как, если он тебе родственник?

– Фамилия? Так, это... его мамаша – два, а может и три раза выходила замуж, откуда мне знать на какую фамилию она его записала.

– Ну, а у матери его, какая раньше была фамилия?

– Матери? Как и у моего отца, она же двоюродная его сестра.

– Молодец Руслан – умеешь врать! Ладно, не люблю пустых разговоров; с твоим случайным другом и так всё понятно, без нас разберутся, а коли ты явился пред мои очи, есть вопросы, которые лично нас затрагивают и тебя в том числе.

– Петрович так не пойдёт! Я человека пригласил в гости, и получается, что сдал в ментовку. Так? давай, как-нибудь решим по-людски, не первый год рядом живём.

– Всё Руслан, этот вопрос можно не обсуждать, я уже и начальству отчитался по поводу задержанного гражданина, и наши сотрудники – из райотдела сейчас за ним придут. Ты лучше мне вот что скажи; в Ростове – на-пригородном ты сильно примелькался, вообще – что ты там забыл? По поводу тебя оттуда – к нам запрос был, я даже не знаю, как и что им о тебе отвечать. Их ещё интересует такой вопрос: кто такой,

толи Чингиз, толи Хан; один это человек под двумя кличками, ли двое? Случаем не ты под ними ходишь?

– Не командир, я Руслан, а про то о чём спрашиваешь – понятия не имею.

– Хорошо, оставим пока Ростов на потом, тут своих дел невпроворот. Ты знаешь, что наш участок дороги по крими-налу скоро выйдет в передовики?

– А я то, тут причём?

– Из станции Степной знаешь такого хмыря под кличкой – Колбаса?

– Ну, слышал, – есть такой, лично не знаком, а в чём собственно дело?

– На него, правда, пока по ориентировке – уже четыре за-явления у меня в столе лежат от пассажиров электропоездов; в свидетели никого не допросишься, а то бы давно гастроли его закончились. Что за время пошло – все под кличками ходят, так скоро и имён не останется. Вам бы стихи писать, а не клички придумывать: вон у меня свежий список тех, что последнее время к нам дорогу назвали. Тут у себя на железной дороге – урки достали, вечно шастают по вагонам, и дай бы бог с ними справиться, а тут ещё и свои алкаши станичные решили подсобить. Вот сам послушай, заодно припомни кто они? Всякие: Тёлы и Тэли, Бельчики и Кеси и главное, что их – под одной и той же кличкой числится как минимум пара. А эти – недавно в шайбе объявившиеся?! Пардон, Гапон, Платон, Пилон – ну прям таки стихотворная поэзия. Что можешь сказать? Территория – то под твоим ведомством. Мы как с тобой договаривались, – помнишь? Чтобы порядок там сами поддерживали, а то нахрен всех попересажаем. А что получается? Мазай, который из них правда не знаю: под номером первым или пятым – в твоём кагале состоит?

– Ну, мой, так чё?

– А то, что за ним уже статья по пятам ходит, осталось лишь листочек дописать – вот тебе и чё! Тяжкие телесные

повреждения; одно лишь но, что тот, кто получил эти телесные повреждения сидит сейчас пятнадцать суток. С Кущёвского совхоза бык. Половину шайбы разнёс, чуть продавщицу не прибил. Врачи наши – этого быка – откачали и отправили долечиваться в КПЗ.

– Так причём, тогда Мазай?

– А притом, что он саданул этого Васю под подбородок и врачи дали заключение – короче, некогда мне тебе растолковывать... с гостем своим можешь на месяц распрощаться, если только за ним ничего не числится, а Мазая выручай. Найди этого борова Васю, там, в КПЗ найдёшь, вот с ним и договаривайся. Вообще-то, как и продавщица говорит, что он поскользнулся на разлитом по полу пиве, сам же его и разлил. Пусть заявление забирает. Им обоим светит зона: одному за хулиганство, второму за нанесение телесных повреждений, вот там как раз и помирятся. Иди Руслан, а то меня от всего этого тошнить уже начинает.

В это время в кабинет вошли два милиционера, поприветствовав, спросили, – кого тут забирать, – взяв из рук капитана справку, а как приложение к ней Фёдора тут же удалились. Не прошло и десяти минут, как Фёдора уже выгрузили из милицейской машины, ибо Фёдор ни как не предполагал, что так скоро доедут: только было собрался мысленно оценить и обдумать новую ситуацию, в которую его угораздило попасть, как скрипнули тормоза, открылась дверь и сержант крикнул: – Выгружайсь! Мы уже дома.

Через минуту он уже стоял перед дежурным по спецприёмнику молодым лейтенантом, как чуть позже узнал Фёдор, которого зовут Игорем. Дежурный равнодушно окинул взглядом Фёдора с ног до головы, как новоявленного посетителя, который по меркам – в глазах лейтенанта – ни как не соответствовал их взглядам и определениям, после чего неуверенно сказал:

– Что-то на бомжа он не похож, вы случайно адресом не ошиблись, его, наверное, в дежурку надо, а после в КПЗ. Нам то, он зачем?

– Не-е-е, не примут. Наш он клиент, хотя и предъявить пока ему нечего, – сказал сержант.

Сержант подошёл и положил на стол справку, которую тут же стал читать лейтенант, после посмотрел на Фёдора, и сказал:

– Понятно, перелётная птаха. Обыскивали?

– Мы нет, а в линейке не знаю, – ответил сержант.

– Обыщите.

– Руки поднял! – подойдя спереди, сказал сержант и начал вытаскивать из карманов Фёдора всякую нужную и не совсем мелочёвку.

– О! да тут в его карманах, как во вшивом ломбарде, одних использованных презервативов не хватает! Игорь, придётся список писать, а то потом скажет, что у него кольца и цепочки золотые пропали.

Взял в руки блестящую из нержавейки квадратную бензиновую зажигалку, долго рассматривал, крутил в руках, вздохнув, видно, понравилась она ему, положил на стол в общую кучу: к расчёскам, бритвенному станку и зубной щётке, записной книжке, к которой обычной резинкой прикручены были шариковые ручки и два карандаша. Когда, наконец, очистили карманы Фёдора, то посреди стола возникла приличная куча всяких безделушек, как сказал сержант, но Фёдор тут же поправил его, сказав, что это для него безделушки: «А для меня

– это всё моё имущество на все случаи жизни».

– Вполне верю, – сказал сержант, – базуки с кинжалом не хватает, а, может, припрятал где-нибудь в лесополосе? О деньгах Фёдор вспомнил, когда его уже везли в машине в отделение, которые были у него спрятаны в подкатке пальто. Сейчас при мысли о том, что их найдут, Фёдора бросало в холодный пот, потому как ещё по опыту колонии чётко, на

всю жизнь усвоил: что там, где стражи закона, там чаще правит кривда, а правда в заточении и в неволе, как и весь остальной, простой люд. По крайней мере – это был его личный философский взгляд на жизнь. Убедившись, что все карманы у задержанного очищены, сержант, вероятно для подстраховки, заставил Фёдора повернуться к нему спиной: хлопая ладо-

нями по бокам и рукавам, дойдя уже до пояса, вдруг, что-то заподозрив, словно вспомнил, стал возвращать свои руки в обратном направлении.

– Так, кажись, что-то пропустили, – сказал он с волнением в голосе, будто предчувствуя необычную находку, – а ну, снимай пальтишко.

Фёдору ничего не оставалось, как снять и толкнуть в руки сержанта пальто; он сделал это так, как будто хотел сказать этим: «На! – подавись!».

Сержант быстрыми торопливыми движениями рук, которые говорили о том, что человек волнуется и ему крайне не терпится найти и добраться до предполагаемого тайника в пальто и тем самым удовлетворить свои внутренние низменные чувства, продолжал перебирать складки пальто. К великому сожалению, подобным настроениям зачастую подвержена большая часть людей на этой грешной земле. Когда он нащупал искомое место, именно эти мысли и посетили голову Фёдора, он стоял и смотрел на то, как через сунду достанут его деньги. Отколов булавку, сержант извлёк на свет божий квадратный пакетик, тщательно плотно завёрнутый крест, на крест в носовой платок. Пренебрегая правилами субординации, вероятно не в силах подавить в себе страсть познать содержимого пакета, торопливо развернул его. Когда увидел деньги, да ещё в таком количестве сделал шаг к столу, и на вытянутой руке – на ладони, чуть было не в лицо лейтенанту – застыл в таком положении. Лейтенант оказался парнем более со спокойными нервами, он спокойно смотрел на деньги, не притрагиваясь к ним и храня мол-

чание, и скорее всего обдумывая ситуацию. Тогда сержант, будто устав держать вытянутую руку, опустил её на стол, отчего пачки купюр, словно на салазках сами сползли с его ладони, и лишь платок теперь покрывал ладонь сержанта.

– Ого! – сказал второй сержант стоящий чуть в стороне, – добрая заначка!

– Кучерявый вам хлопцы бомж достался, скажу я вам, – сказал лейтенант, – почаще бы таких богатых бомжей задерживать. Глядишь, и здание своё отремонтировали бы давно, а то живём, словно в каком то – вонючем гадюшнике; жена скоро в дом пускать перестанет, спрашивает всё, – откуда такая вонь исходит? говорит, что я, наверное, по помойкам шастаю.

После этого с каким-то сожалением вновь взглянул на Фёдора, благосклонно спросил:

– Чего же с такими деньжищами, а по стране без документов раскатываешь, или приобрести не успел?

В это время в разговор встрял всё тот же любопытный сержант, обращаясь к лейтенанту, сказал:

– Слушай Игорь, так это получается, что клиент уже не наш? Передавать надо – в уголку, на второй этаж. Сумма то большая, головную боль нажать могём...

– Не тараторь Коля, помолчи, – оборвал его лейтенант, – с минуты на минуту с планёрки придёт шеф, вот он и будет решать, – кого и куда отправлять. Вы своё дело сделали, хотя заслуги в задержании вашей здесь нет, и бомжа думаю, не последнего поймали, так что, отправляйтесь на службу, здесь как-нибудь без вас разберутся. Да совсем забыл, звонили из Степнянского, там, в районе кладбища горит скирда соломы: горит с утра и погода для пожаров, вроде бы не благоприятная, потому наверняка без бомжей не обошлось. Вот и отправляйтесь туда, гляди ещё и зажаренного бомжа привезёте, запашок будет другой, но, пожалуй, получше привычного. На пороге сержанты лицом к лицу столкнулись с начальником спецприёмника; они резко отпрыгнули по сто-

ронам и застыли по бокам двери. Лейтенант также поднялся со стула и отошёл чуть в сторону, тем самым приветствуя начальство и освобождая место за столом. Широким шагом, направляясь к столу, капитан прошёл мимо стоящих подчинённых, как и мимо Фёдора,

словно их и не было вовсе в кабинете. На лице хмурость, задумчивость и явное недовольство чем-то. Сержанты продолжали стоять, будто их вкопали в пол; толи, ожидая, что скажет начальник, а больше всё-таки надеясь попридти в кабинете и узнать дальнейшую судьбу денег, уж слишком сумма была большая, что бы вот так взять и уйти. Проходя к стулу, капитан по пути бросил на стол фуражку – на сам стол, где в это время лежала куча принадлежностей Фёдора и деньги, и почему-то даже не обратил внимания на это, а когда уселся на стул, какое-то время вначале молчал, затем взглянул на лейтенанта, и наконец, сказал:

– Плохо работаем! втык получил по самую пятницу! Дело с цыганами дошло до разбора на расширенном заседании райкома. Вот вы двое, – обратился он к сержантам, – чего глаза вылупили? Скажите, кто такие цыгане, а? те же бомжи! Так кто ими должен заниматься? Мы, и ещё раз Мы! Ещё в первый день, когда этот табор начал раскидывать свои шатры на поле в районе ДЭУ вы в тот же день должны были выводить их восвояси за пределы станицы! Вы этого не сделали. Вы вообще туда хоть ездили?!

– В первый же день, – сказал сержант, – проверили прописку, всё как полагается, и прописка есть.

– И какая же у тех, что проверяли прописка?

– Из Ростовской области: на свадьбу, говорят, приехали. В хате не вмещаются, кто может запретить пожить несколько дней в шатре посреди пустыря?

– А лошади, лошади откуда? Да ещё так много. Узнавал?

– Справка есть из колхоза, лошади выданы колхозом по всем правилам, даже оплата приклеена к справке.

– Вроде бы всё правильно, но грехи-то – на нас валят! Мы просмотрели. Итог их свадьбы: трое покалеченных в больнице лежат, одного на тот свет отправили. Хорошо хоть между собой эту бойню устроили, если бы не дай бог, кто из станичников пострадал, тогда я даже не знаю? Вы бы пошли дальше слесарить или баранку крутить, а меня бы не то, что разжаловали, и посадить могли бы. Ну, это же надо! На автостанцию два маршрутных автобуса заходят, один к тому же из Краснодара, а вокруг Куликовская битва происходит! Это же весь Краснодар говорить об этом будет, людям-то – рот не заткнёшь, да ещё как всегда прибредут того чего и не было. Ну, вот скажи Игорь, как бы ты воспринял, и что мог бы подумать, будь ты на месте тех пассажиров автобусов? Сидишь ты спокойно в автобусе, который заворачивает на автовокзал – и вдруг за окном ты видишь, что по полю на целый квадратный километр, и по всей территории автостанции, куда тебя сейчас подвозят – носятся непонятные люди? К тому же – с ножами и с колями в руках: мужики с чёрными бородами, с такими же патлами волос, в красных ярких рубахах, за ними бегают и орут женщины и дети, морды в крови – скажи, – что людям придёт первым на мысль? Я думаю – страх.

– Я бы подумал, что кино снимают, – сказал, улыбаясь, лейтенант.

– Кино? Вот когда строгача тебе впишут в послужной, вот тогда и будет тебе кино.

– Как и положено наряд выезжал на место вооружённый автоматами, правда не знаю причины, но приехали, посмотрели и сразу уехали, – сказал Игорь.

– Поздно было тогда туда ехать, даже с автоматами. Что там можно было сделать, когда две сотни, а может и больше разъярённых мужиков дерутся, к тому же цыгане? Второй Новочеркасск устраивать? Так потом нас самих бы к стенке поставили. Отбой начальник вовремя дал, не хватало ещё своих сотрудников под цыганские ножи подставлять. В са-

мом начале надо было не разрешать им в таком количестве съезжаться, выдворить за пределы станицы – в поле, и пусть там режутся хоть до последнего цыгана. Выселили же три года назад почти всех из станицы, так нет же будто мёдом здесь намазано – съехались, сволочи!

Умолкнув, капитан повернул голову, в сторону стоявшего у окна Фёдора, лишь сейчас обратив на него внимание, спросил:

– А кто это стоит у нас в кабинете? Кто он?

- Задержанный, товарищ капитан, – ответил лейтенант.
- Так чего он у вас тут торчит, почему не в камере?
- Ещё не до конца разобрались кое в чём.
- Ну-ну, разбирайтесь. Без меня, надеюсь, обойдётесь?
- Никак нет товарищ капитан, значительная сумма денег при нём обнаружена, без вас никак.
- А я то, смотрю, в душе чувствую, что-то не так в моём кабинете, а что? не могу понять. Совсем задурили голову с этими цыганами! Значит, говоришь деньги?
- Да вон они перед вами лежат.
- Теперь вижу, и раньше видел, думал, может «Москви- ча» в складчину решили купить, чтобы было на чём на вызо- вы ездить. Считали деньги?
- Пока нет, не успели.
- Чего их считать, тут и так на глаз видно, что пара тысяч, упаковка то банковская. Этих куда отправлял? – кивнул голо- вой в сторону сержантов.
- В районе Степнянского кладбища горит скирда соломы, вероятней всего бомжи подо- жгли, значит по нашей части.
- Вот пусть и едут. Отправляйтесь, после доложите.
- Звук закрываемой сержантами за собой двери, вероят- но, напомнил капитану, что у него в кабинете находится ещё одна личность, которая ожидает решения своей участи. Он порыви- сто повернулся на стуле в сторону Фёдора, и как бы продолжая начатый разговор, сказал:
- О себе расскажешь чуть позже: начнём с денег, потому как сумма не маленькая. Только давай договоримся с самого начала. Ты мне говоришь всё честно, правдиво; меня – старого волка на мякине провести тебе никак не удастся, потому, если увижу, что нагло врёшь, валан- даться с тобой не стану, потому как не следователь я, пусть свой кусок хлеба отработывают те, кому это положено, вот как раз по тебе им и работа подвалит.
- Деньги я заработал честно – это факт неоспоримый, потому как его проверить легко, правда, для этого надо ехать в Сальск. Эти деньги мне выплатили за два года моей рабо- ты. Там, в их степях мы строили кошары для овец, я к тому же возглавлял бригаду строителей.
- И сможешь доказать? – спросил капитан.
- Почему бы нет? Я же сказал, что для этого ехать надо в Сальск. Абдула собственно- ручно в своём кабинете выплатил мне эту сумму, и то сказал, что авансом, потом пересчитают, когда вернусь обратно.
- В Сальск, разумеется, никто не собирается ехать, ду- маю, что ты это и сам должен понимать. Если мы будем разъезжать по стране и устанавливать – правду говорит за- держанный гражданин или врёт, то, что из этого получится? А кто такой Абдула, фамилия, у него какая?
- Фамилии не знаю. Все звали Абдулой, он самый глав- ный, ещё Джафар – наш непо- средственный начальник.
- Так! Ну, а начальника этого как фамилия?
- Тоже не знаю.
- Понятно. Фамилий не знаешь. Если начальник ваш, как ты сказал Джафар, то, тогда Абдула – кто? Почему деньги выдавал он?
- Абдула над всеми главный – все под ним.
- И в ведомости получения денег расписывался?
- Нет, ведомостей никаких не было.
- Ага, вот так взял Абдула, вытащил из своего кармана две пачки денег, всунул тебе, не глядя в руки, и пошёл своей дорогой. Так хочешь сказать?
- Нет, перед этим у нас с ним был долгий разговор. Я бри- гадиром на стройке был, два года ишачил, к матери в Башки- рию надо было съездить – три года не видел. С сейфа

он дос- тал деньги и вручил мне, сказал, что после пересчитают, когда вернусь, если окажется заработок больше, то доплатят.

– Всё это, что ты рассказываешь молодой человек, – капи- тан заглянул в справку и продолжил, – Раскольников Фёдор выглядит правдоподобно и, в то же время не совсем. В этих стенах мы столько историй наслушались, что, порой от услы- шанного рёвом реветь хочется, если, конечно верить во всё.

Фамилия и имя у тебя, какие-то подозрительные – «Дос- тоевским» попахивает. Случайно не сменил в колонии? А то у вас там за забором всякие номера выкидывают; порой даже удивляешься столь изошрённой выдумке. Обычная кличка вдруг становится фамилией. Обижать тебя Фёдор мы не на- мерены. Может и впрямь ты честно работал, как ты гово- ришь два года. И деньги твои никуда не денутся, но лишь в том случае, если все твои показания под- твердятся. Сумма большая; к тому же, судя по упаковке сразу из банка. Неделию назад недалеко от станции Звереве под железнодорожной насыпью был обнаружен труп мужчины; вероятней всего выброшенного на ходу из поезда. Следствие установило уже достоверно, что погибший являлся курьером «теневых» – цеховиков. В дипломате он вёз большую сумму денег за по- ставленный товар. Пока что – ни денег, ни тех, кто эти деньги взял – убив при этом курьера, не найдены. Если ты к этому делу не причастен и деньги, которые были обнаружены при тебе, не окажутся частью тех похищенных, значит уже лучше. Номера на денежных знаках переписут и отправят для свер- ки. Ко всему этому дадим запрос по тебе в Сальск, заодно и по всему твоему маршруту начиная от ворот колонии. По за- кону на это нам отводится месяц сроку, вот к тому времени и результаты будут, тогда и поговорим. Сейчас как бы смысл теряется: ты нам что угодно будешь рассказывать, а мы тебе

не верить. Усвоил? Лейтенант, – обратился начальник к сво- ему подчинённому, – оформляй по всем правилам. Деньги пересчитать, номера переписать, после этого я их в сейф оп- ределю. Оформляй запросы, начиная с колонии, ну и до Сальска. На место жительства отправь запрос, гляди, и дело его перешлют: не настаивай, пусть сами решают, если нигде не наследил, то через месяц, может, отправится в родные края, там и встретится со своим лич- ным делом.

Спустя время, после того как были заполнены протоколы и акты на изъятие вещей и самих денег лейтенант сам отвёл Фёдора в камеру. После яркого света в кабинете – войдя в камеру, он застыл на пороге: зарешёченная под потолком лампочка давала тусклый свет, отчего в камере не имевшем окна стоял мрак. Фёдор какое-то время стоял, привыкая к тем- ноте, присматривался. На деревянном подиуме, служив- шем как нары, а попросту обычное лежбище – зашевелились тени. Заросшие волосами рожи, поднятые воротники пальто и тело- греек, с закутанной на голове какой-то тряпкой. Всё это говорило, что в камере холодно: бата- рея отопления – чугун- ная всего на три секции, окрашенная в зелёную краску и привинченная на боковой стенке, – ещё пока что не грела. Вся эта пёстрая бродячая по бесконечным дорогам страны компания с явным любопытством смотрела на Фёдора, во- шедшего в камеру. Камера была средних размеров, но и на- роду, как с первого взгляда определил Фёдор, было не мало. Ещё по опыту колонии Фёдор навсегда усвоил, что в подоб- ных ситуациях надо поступать не иначе, как сразу брать быка за рога, потому как негативные последствия всегда происхо- дят с нарастающей последовательностью. И если это не сде- лать впервые минуты, потом положение исправить случай может и не предоставить. Вступать в какие-то разговоры с присутствующими ему вовсе не хотелось, помимо нежела- ния на душе присутствовала какая-то брезгли- вость, свойст- венна лишь людям с благородной наследственностью. Но и с

местом на нарах надо было как-то определяться, – не са- диться, же ему на корточки возле параша! Подошёл вплот- ную к нарам, упёршись коленками в доски настила, с которо- го, молча, лишь сопя, уставились глаза мужиков, в которых отражалась холодная безнадёжность несовершенства мира. Громко, своевольно, словно камень в них бросил, сказал:

– Ну что... вурдалаки?! Чего зеньки вылупили?! Место возле стенки освободите! Хочу предупредить, чтобы не во- зомнили себе, что я из вашей вшивой породы. Кто будет ка- чать права – из станицы живым не уедет! Фору у того будет – сотня метров от мусарни. Что к вам заперли – на то есть при- чина, не вашим тупым головам об этом знать. Чего приморо- зились... теснитесь! Место у стены и чтобы ни одна сучья морда на полметра ко мне не лежала, нюхать вас я не соби- раюсь. Врубались?!

– Чё орёшь? – отозвался лежащий в середине, – один ты человек, а остальные скоты? Сделаем место, чего орать, можно и по-человечески. И так видим, что ты не нашей поле ягода. Сейчас перетасуемся – не карты.

– Меньше базарь, – крикнул Фёдор, – делай, что я ска- зал! Я что, перед вами тут на цыр- лах должен стоять?!

На нарах все разом зашевелились: кряхтя, шмыгая но- сом, многие стали кашлять: про- стуженно, с гулким грудным утробным звуком, отчего Фёдор вновь забеспокоился:

– Чё вы тут все кашляете? Тубики есть?! Не хватало ещё этой заразы от вас подхватить!

Столь нежелательная перспектива подхватить здесь какую- нибудь болячку внесла в сознание Фёдора отчаянье перед не- ощутимой субстанцией любой заразной болезни, но вслед за этим последовавший ответ, как-то немного его успокоил.

– Посидишь здесь в холодрыге, сам закашляешь; а больше от того, что курева нет, вот, и кашляем.

– Ну, с табаком решим, – сказал уже немного миролюби- во Фёдор, – завтра. Сегодня – вряд ли получится. Завтра Рус-

лан притащит – вам махра будет мне «Столичные». Я не жадный.

На следующий день, когда лейтенант вызовет Фёдора для уточнения кое-каких деталей в оформлении бумаг на не- го, Фёдор его спросит:

– Слушай начальник, а нельзя как-нибудь в следственные камеры переместиться подальше от этих вонючих бомжей? Сколько приходилось бывать в подобных заведениях, поверь – впервые себя так гадостно чувствую. Сам посуды: бессонная ночь, тело всё на тебе зудит и чешется, вокруг тебя запах стоит, будто на тебя только что испражнялся, а самое страшное – они же все, по-моему – туберкулёзники! Разве можно нор- мальных людей держать среди подобных типов?

Лейтенант улыбнулся, глядя на Фёдора, словно на малое дитя, при этом подумал, что парень действительно непроби- ваемая натура, а по наивности превосходит подростка, во- преки тому, что в колонии побывал: миролюбиво, вполне доходчиво стал разъяснять:

– Не торопись. Туда всегда успеешь, чаще вопреки сво- ему желанию, если уголовное дело на тебя заведут, а без не- го – кто же тебя туда примет? Ну, а коль неймётся, бери на себя того курьера по Звереву, вмиг очутишься там. К тому же

– в следственной камере держать долго не будут мест мало, в Армавир по этапу отправят. Так что лучше спокойно месяц с бомжами пересидеть.

– Да-а-а ты прав начальник, тот вариант не для меня. Слушай, а одиночки случайно в вашем бомжатнике не име- ется? Я бы с удовольствием согласен и больше месяца у вас отси- деть, лишь бы подальше от этих вурдалаков.

– Вновь мимо. Тебе же не в новинку сидел ведь, зачем глупые вопросы задавать?

– Запямятовал. Когда сажали, юнцом ещё был; всё было как в тумане, подробностей путём и не помню, другое в го- лове было – обида на весь свет.

В это время в кабинет вошёл сержант один из тех, кото- рые доставляли Фёдора в отде- ление, лейтенант, взглянув на сержанта, сказал:

– Всё Раскольников вопросы исчерпаны, отправляйся в свою санаторную палату займись там воспитанием, как ты их называешь вурдалаками – соседями по курортному отдыху. Сер- жант, проводи гражданина в камеру.

В коридоре сержант, идя сзади Фёдора, сказал:

– Там Руслан тормозок передал, после принесу в камеру, только курите по очереди, а то махоркой всё здание прово- няете, шеф наш не любит подобных запахов. – На что Фёдор ответил язвительно:

– Вы или тут все обоняние потеряли? да махорочный за- пах с вашими запахами – «Красной Москвой» покажется.

После того как в камере появился в избытке табак, и да- же съестным Фёдор поделился с сокамерниками, к нему ста- ли обращаться уважительно чуть ли не кланяясь в пояс. Фё- дор, немного потерпев: не любил он этих человеческих уни- жений даже по отношению к себе – за кусок колбасы и само- крутку махорки – после чего сказал пренебрежительно, про- должая называть их неуважительно:

– Слушайте вурдалаки, прошу без телячьих нежностей, это хоть и бомжатник, но та же кича, а значит и правила должны соответствовать ей. Сейчас мне надо подумать, а вы как-нибудь, потише, базарьте.

Лёг на бок, лицом отвернулся к стенке и в который уже раз подумал, что вначале везучая полоса жизни, вдруг ни с того ни с чего, подкралась незаметно и сменилась на тёмную невезуху. Подумал о деньгах – их было жаль, ибо глубоко в душе он с ними уже распрощался. Помур- жут, помуржуют, да и замылят бабки, – подумал он. Старался гнать эту мысль от себя, потому как много душевной боли приносила она: и подарка не купил заранее матери, как советовал Абдула, и своего рабского труда в течение двух лет жаль было, и злость на себя жгла, что пошёл на поводу своих эмоций. На смену этим мрачным думам, стал оценивать и сравнивать с прошлыми впечатлениями от разго- воров с милиционерами здесь в станице. Припомнив два, можно сказать, чисто служебных разговора между собой: один на вокзале, а второй здесь в кабинете начальника, случайным свидетелем которых он был, тут же сделал вывод, что эти лю- ди, если он, конечно, не ошибается в оценке, но сильно отли- чаются от тех – в Ростове. И отличаются в сторону положитель- ную, по крайней мере, – сказал он себе, – со мной они обош- лись по-человечески в отличие тех ростовских – как на вокзале, так и в райотделе. Ростовские те сразу без всякого базара за- продали их скопом в рабство. Вся та их отработанная система лежала на поверхности как на ладони, и Фёдору она стала по- нятна с первых минут: вокзальные мусора продали их тем, ко- торые с райотдела, а те в свою очередь – Абдуле. Здесь в ста- нице, – подумал он, – могли бы поступить аналогично, но этого не произошло: здесь, кажись всё по закону. От этой оценки, в душе затеплилась соблазнительная надежда, в кото- рую хоте- лось верить как в закономерность, как в неоспоримый и благо- получный финал его пребывания в этих стенах.

Месяц в жизни для человека – срок невеликий, с одной лишь оговоркой – для кого как, и в каких условиях. В деятель- ности творческой, приносящей душевное удовлетворение в работе время пролетает мгновенно; на нарах, во мраке тюрем- ной камеры, среди людей опу- стившихся, как говорят, – ниже плинтуса, как и для Фёдора, хотя он и не относился к выше- упо- мянутым сокамерникам – месяц, всё-таки тянулся долго и нуд- но. И когда неожиданно его вызвали вновь к начальнику спец- приёмника, он стал быстро в уме припоминать день, когда его сюда привезли, потому как, ещё с середины срока он бросил считать и отмечать дни, решив, что для нервов это будет гораз- до полезней. Так толком правильно и не высчитав, был сопро- вождён сержантом в кабинет начальника, после чего мысли и подсчёты тут же улету- чились из головы.

– Ну что Фёдор Раскольников, – такими словам встретил его капитан, – хватит тебе сидеть на государственных харчах, пора и самому себя прокармливать.

Перебирая листки бумаг в лежащей перед ним папке, наконец, поднял голову, посмотрел с ухмылкой на стоящего перед ним Фёдора, сказал:

– В первый же день интуиция меня не обманула, чему могу радоваться вместе с тобой: говорил ты всё-таки правду, которую подтверждают все на тебя прибывшие запросы. Не стыкуется лишь одно, хотя я вполне понимаю причину, но это значения собственно и не имеет – это то, что ты утверждал, что деньги выдал тебе в кабинете так называемый Абдула. На наш запрос пришло другое их сообщение – деньги тебе были выданы в кассе овцесовхоза в полном объёме в две тысячи рублей, о чём ты и расписался в платёжной ведомости. Ну, это не столь важно. Главное, что ты не врал по своей сути. Вот твоя справка об освобождении из колонии, теперь на ней стоит наша печать и запись, которая говорит о том, что по сегодняшний день за тобой не числится никаких правонарушений, это как на войне – «Проверено – мин нет». Дай бог, чтобы было и дальше так. Воспитательную работу проводить я с тобой не намерен, ты пришёл не из детского сада, сам должен понимать, что подобная жизнь рано или поздно к хорошим результатам не приведёт. Для тебя лучше всего будет, если ты, не откладывая в долгий ящик, отправишься к себе домой к матери. Вопросы есть?

– Если всё проверили, – спросил Фёдор, – то могу я получить паспорт здесь у вас?

– Почему бы нет? Поднадзорный срок, который у тебя был по выходу из колонии, уже истёк ты, как показала проверка, нигде себя не запятнал, значит, как любой гражданин Советского союза имеешь законные права на получение паспорта. Единственный есть нюанс, ты должен получить его по месту жительства. Есть и оговорка – если ты, к примеру, у нас

женишься, жена тебя прописывает по своему адресу, тебе обязаны выдать паспорт непосредственно здесь, или родственники твои, если такие имеются, пожелают тебя у себя прописать. Других вариантов у тебя нет. Так что лучше езжай домой. Сейчас тебе будут выданы все твои вещи согласно описи, а также деньги, которые были изъяты при задержании и на этом мы с тобой распрощаемся, дай бог никогда больше в этих стенах нам не встречаться. Игорь, оформляй гражданина Раскольниковца на освобождение.

– Спасибо товарищ капитан я почему-то с самого начала верил в вашу порядочность; сегодня это крайне редко встречается, а значит можно верить, что люди ещё не все перевелись, – сказал Фёдор начальнику, который уже поднялся из-за стола и стал одевать шенель, собираясь покинуть кабинет.

ГЛАВА 3

За порогом спецприёмника станица Кущёвская встретила Фёдора снегопадом. На улице валил мокрый снег: деревья стояли пушистые и нарядные, как новогодние ёлки, снег налипал на провода, на ветви деревьев, крыши строений. Было тихо, тепло и немного сыро; снежинки падая на лицо, щеки тали нос и щёки, отчего приходилось каждый раз тереть то место ладонью, после чего ладонь становилась мокрой, внося в сознание какую-то досаду. Вдали, на прилегающей к райотделу улице слышался детский смех и резкий визг: первый столь обильный снегопад принёс детворе кучу радостей избыток энергии, возможность поиграть в снежки и беспрестанно один за другим катать снеговиков. Фёдор стоял и созерцал, чувствуя при этом себя вновь свободным человеком, эту столь завораживающую сознание погоду, вносящую в душу надежду на что-то новое, чистое и возвышенное, то о чём часто мечтал в, теперь уже, казалось, далёком детстве, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.